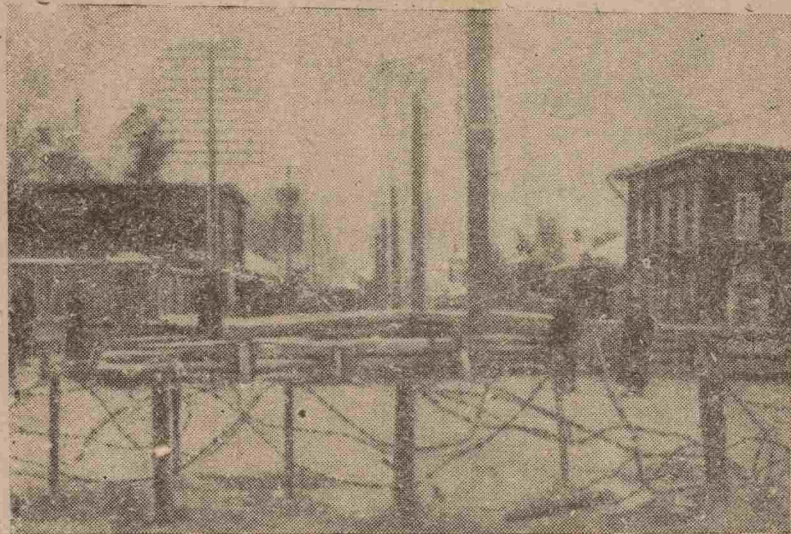

1590730
9(с)
К88

Ф. КУДРЯВЦЕВ

НА БАРРИКАДАХ
НА ИРКУТСКА

МОСКВА

1935

ИРКУТСК

НА БАРНАУДАХ
НА НРКУТГА

96565

K 08

001

W 74/2 (46)

9(c)22

K88

Ф. КУДРЯВЦЕВ

9(47)

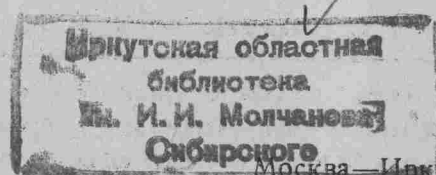
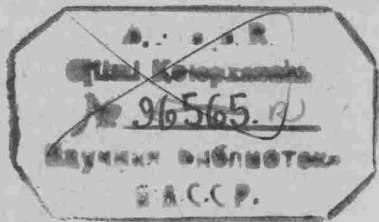
K.88

На баррикадах Иркутска

1917—1919 г.г.

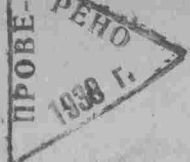
1590430
10878

О Ч Е Р К И

Москва—Иркутск • 1935

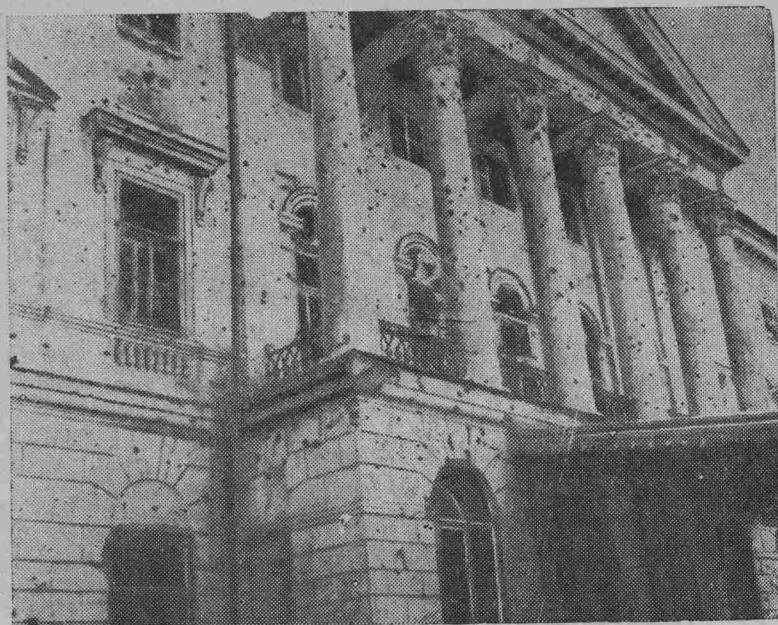

Оглавление

Белый дом	3
Советы вождя	8
Борьба за власть советов на баррикадах Иркутска	13
Декабрьские бои	18
Белый дом в осаде	24
Борьба за понтон	31
Советы победили	36
Борьба с контрреволюцией	39
Восстание против колчаковщины в Иркутске	47
Конец колчаковщины	59

Отв. редактор А. Ровинский. Техн. редактор М. Клинской.

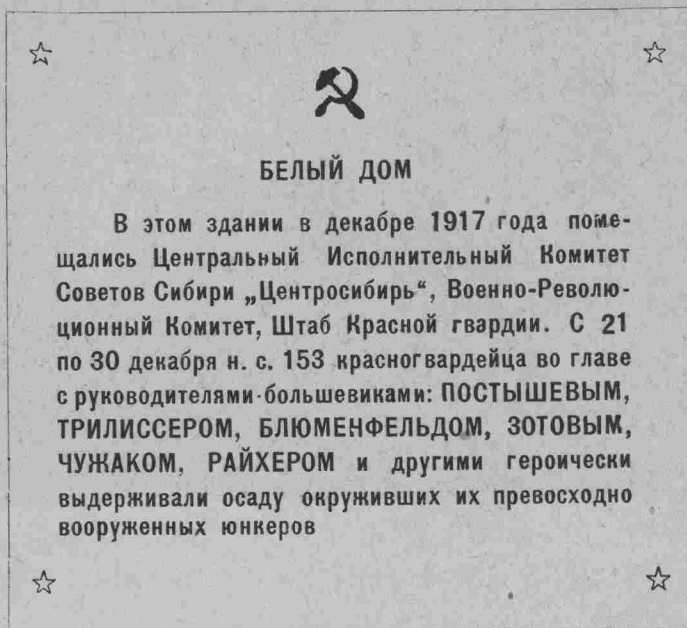
Сдано в набор 9/1-1934 г. Подписано к печати 27/1-1935 г. Отис № 638. Тираж 10000. Формат бумаги 62×94¹/₁₆. Бумажных листов 2. Учетно-авторских листов 3,36. Индекс IX-II-96. Крайлит № 276. Заказ № 26.

БЕЛЫЙ ДОМ

В Иркутске, на берегу красавицы Ангары, против сада Парижской коммуны, там, где улица К. Маркса пересекается с Набережной, стоит трехэтажный каменный дом. К одной стороне его примыкают ворота, ведущие во двор, с другой — тянется каменная ограда с круглыми чугунными решетками. Она загибается за угол по улице К. Маркса. Еще недавно этот дом был белым, затем его выкрасили желтой охрой, оставив белыми лишь колонны, карниз и полосы вокруг окон. Но в историю Иркутска и нашего края это здание вошло под именем Белого дома. Над главным входом в него — широкий навес; выше белеют круглые колонны с красивыми лепными завитушками наверху в виде листьев. На стене между окнами нижнего этажа прибита чугунная доска. По краям ее, выкрашенным зеле-

ной краской, выступают красные звезды, а на черном фоне под знаком серпа и молота надпись позолоченными буквами:

Еще недавно стены Белого дома красноречиво свидетельствовали о минувших боях: на этих стенах зияли глубокие выбоины от пуль и гранат. Там, где в наши дни слышатся веселые голоса советской студенческой молодежи, в декабре 1917 года свистали пули, грохотали разрывавшиеся гранаты, беспрестанно трещали винтовочные затворы, слышались ободряющие голоса команды, крики бойцов и стоны раненых. Весь город был охвачен тогда пламенем гражданской войны, а Белый дом являлся одним из ее главных центров. Два враждебные лагеря схватились в смертельной борьбе. На одной стороне выступали борцы за победу пролетарской революции — рабочие-красногвардейцы и революционные солдаты во главе с большевиками; в противоположном лагере — отряды юнкеров, офицеров, казаков и белой гвардии, выступавшие против власти советов. Много стойких бойцов кровью запечаттели свою

верность великому делу освобождения трудящихся. В январе 1918 г. в ограде Белого дома были похоронены десятки рабочих-красногвардейцев и солдат, погибших во время декабрьских боев 1917 г. в Иркутске. Над свежими могилами трудящиеся Восточной Сибири поклялись продолжать борьбу за рабоче-крестьянское дело. Разыгравшиеся вскоре события показали, что враги рабочих и крестьян снова подняли головы и что борьба еще не закончилась. Летом 1918 года при поддержке иностранных империалистов в Сибири временно воцарилась буржуазно-помещичья контрреволюция. Совершая кровавые расправы над трудящимися, она не пощадила даже мертвых борцов. Озверевшие белогвардейцы разрыли могилы в ограде Белого дома и вывезли погребенные там останки героев куда то за город. Мы не знаем теперь, где они зарыты, но трудящиеся Советской Сибири будут вечно помнить этих борцов, погибших за торжество пролетарской революции. Белый же дом с мемориальной (памятной) доской на нем, стал образным памятником революционной истории Восточносибирского края.

Белый дом существует больше ста лет. До Февральской революции 1917 г. он был генерал-губернаторским дворцом. У дверей его постоянно стояли два часовых и полицейский, охранявшие безопасность и покой главного начальника Восточной Сибири—иркутского генерал-губернатора, назначенного царским правительством. Со своими чиновниками, жандармами, полицейскими он управлял обширным краем. Вместе с ним в Восточной Сибири хозяйничали капиталисты (купцы, золотопромышленники, заводчики) и кулаки. Вся эта свора наживалась за счет зверской эксплуатации трудящихся. Для защиты интересов помещиков и капиталистов царское правительство не останавливалось перед массовым расстрелом рабочих и крестьян. Так было 9 января 1905 года в Петербурге и в апреле 1912 года на Ленских золотых приисках, когда царскими войсками были убиты и ранены тысячи рабочих. «Так было и так будет»,—нагло заявил царский министр Макаров на заседании Государственной думы при обсуждении вопроса о расстреле царскими палачами ленских шахтеров. «Так будет, пока, вы у власти!»—воскликнул в ответ на это рабочий депутат т. Кузнецов. Прав оказался не

*Подготовка братской могилы красноармейцев и солдат,
погибших в боях против белоармейщины в декабре 1917 г.
в Иркутске*

царский министр, а рабочий: прошло всего пять лет, и власть царских палачей была свергнута.

В Февральскую революцию 1917 года под дружным натиском рабочих и крестьян, руководимых большевистской партией, рухнуло царское правительство, а вместе с ним — генерал-губернаторы и другие ставленники царской власти. В Иркутске не сразу узнали о восстании рабочих и солдат в Петрограде. 25 февраля в иркутской газете «Сибирь» появились первые смутные известия о каких-то крупных событиях, происходивших в центре. «Уже два дня, говорилось в газете, редакция не имеет никаких сообщений из Петрограда, по имеющимся частным сведениям там происходят какие то события». В городе распространились слухи о перевороте в Петрограде, но точных сведений о нем сначала никто не имел. Иркутский генерал-губернатор Пильц, получая телеграммы о петроградских событиях, держал их в секрете и только близкие к нему более крупные начальники знали об этих событиях. Беспокойство и страх охватили обитателей Белого дома, но генерал-губернатор пытался еще найти для себя вооруженную опору. 26—27 февраля он устроил секретное сове-

шание с командующим войсками Иркутского военного округа и другими генералами. Боясь революционных выступлений, они намечали меры к подавлению их вооруженной силой.

Шила в мешке не утаишь;— говорит пословица. Как ни старался генерал-губернатор перехватывать телеграммы о революционных событиях в Петрограде, рабочие и солдаты Иркутска скоро узнали о них, присоединившись к революционному пролетариату и крестьянству всей России. 2—3 марта был организован Иркутский совет рабочих и солдатских депутатов, а на другой день арестовали генерал-губернатора, жандармских и полицейских начальников, ряд крупных генералов и др.

Февральская революция, свергнувшая царизм, не сокрушила еще господства капиталистов. «Революция была совершена усилиями рабочих и крестьян (солдат),—писал И. В. Сталин,— между тем в результате революции власть перешла не к рабочим и крестьянам, а к буржуазии». Установился порядок, который В. И. Ленин называл «двоевластием»: с одной стороны действовало буржуазное Временное правительство, с другой стороны—советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В советах преобладали сначала эсеры и меньшевики. На словах они называли себя защитниками интересов народа, социалистами, а на деле всячески поддерживали буржуазное Временное правительство и укрепляли господство буржуазии. Это двоевластие отражалось и в Иркутске. Здесь одновременно существовали и советы и местные представители Временного правительства во главе с краевым комиссаром.

Буржуазное Временное правительство не могло удовлетворить интересов пролетариата и трудового крестьянства. Оно продолжало войну, затеянную в интересах помещиков и капиталистов. Все новые и новые поезда, переполненные солдатами, отправлялись на фронт, где погибали сотни тысяч крестьян и рабочих, одетых в солдатские шинели. Из оставшихся в живых большинство возвращалось калеками, больными и ранеными. Миллионы народного дохода тратились на военные цели. На фабриках и заводах попрежнему хозяйничали капиталисты. Они умышленно закрывали предприятия, разрушали производство, десятки тысяч рабочих выбрасывали на улицу. Лучшие земли оста-

вались в руках помещиков и кулаков. Увеличивалась разруха во всем народном хозяйстве. Росла дороговизна на продукты питания и другие товары. Надвигался голод. В результате все больше и больше обострялось недовольство рабочего класса и беднейшего крестьянства буржуазным Временным правительством. Разгоралась борьба против буржуазной власти. Эта борьба происходила и в Иркутске.

СОВЕТЫ ВОЖДЯ

В апреле 1917 г. вождь мирового пролетариата и всех трудящихся В. И. Ленин беседовал с делегатами Средне-сибирского бюро большевиков, приехавшими из Красноярска на Всероссийскую партийную конференцию. Он говорил, что задача сибирских большевиков — перенести центр своей работы в Иркутск, которому предстоит важная роль в революционной борьбе. «Там, — говорил Ильич, — вы встретите со стороны эсеров и меньшевиков бешеное сопротивление. Оттуда они будут пытаться воздействовать на крестьянство всей и особенно Западной Сибири, чтобы лишить пролетариат Питера и Москвы и революционные части тыла и фронта сибирского хлеба, мяса и других видов продовольствия»... Указания вождя подтвердились со всей точностью. Иркутску пришлось выдержать затяжную и упорную борьбу за власть советов.

В 1917 году здесь сосредоточивались краевые учреждения во главе с Восточносибирским комиссаром Временного правительства эсером Кругликовым и штаб Иркутского военного округа со значительным количеством офицеров. В распоряжении штаба находились — военное училище, 2 школы прапорщиков в городе и одна на ст. Иннокентьевской, кадетский корпус, казачий дивизион, бывшие вооруженной опорой буржуазной власти. Они были хорошо обмундированы и снабжены запасами продовольствия. Юнкера усиленно обучались военному делу под руководством старых офицеров. В военном училище накапливались запасы винтовок, патронов, гранат, пулеметов и бомбометов. Кроме юнкеров и казаков в Иркутске находилось много солдат (4 полка, 2 дружины ополченцев и 3 артил-

лерийских батареи). Однако на солдат буржуазная власть уже не надеялась.

Иркутск в то время был городом торгово-промышленной буржуазии, разных чиновников и духовенства. В распоряжении иркутских капиталистов находились все магазины, товарные склады и предприятия города. Влияние этой буржуазии выходило далеко за пределы Иркутска. Иркутские капиталисты выгодно сбывали различные товары на Ленские золотые прииски, в Якутию, где скупали ценную пушнину, и в другие места Восточной Сибири. Кроме того, они торговали с Монголией. Часть иркутских капиталистов имела золотые прииски. Все они были злейшими врагами революционного пролетариата и могли в трудные для буржуазной власти моменты оказать ей крупную помощь деньгами, продовольствием и проч.

В Иркутске свили себе гнездо оруженосцы буржуазии—партии кадетов, эсеров и меньшевиков. Создался «единый фронт» врагов пролетарской революции. Но против них развивался и креп под руководством большевиков единый фронт пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством и революционными частями армии. В Иркутске, как и по всей России, развивалась борьба за диктатуру пролетариата, за власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Переломными моментами этой борьбы были октябрь—ноябрь 1917 года. Наибольшего обострения она достигла во время декабрьских боев в Иркутске, между лагерем борцов за власть советов и лагерем ее врагов.

В сентябре 1917 г. в Иркутске произошло выступление солдат некоторых полков. Оно было неорганизованным и скоро ликвидировалось. Но это выступление свидетельствовало о росте недовольства солдатской массы буржуазным правительством. Дело происходило так: 17 сентября на Тихвинской площади (площадь III Интернационала) собрался большой солдатский митинг. На митинге обсуждался вопрос об организации так называемого «Беспартийного союза солдат». Значительная часть солдат, бывших на митинге, попали под влияние анархистов, которые отрицали необходимость установления пролетарской диктатуры для освобождения трудящихся от капиталистического гнета. Анархисты заявляли, что можно обойтись и

без этого. Стоит только поднять всеобщий бунт, который свалит буржуазную власть и сразу установит анархию, то-есть безвластие. На самом же деле это совершенно неправильно и губительно для рабочего класса. Такой неорганизованный, беспорядочный способ действий привел бы не к победе, а к быстрому и полному разгрому революционной буржуазией.

После солдатского митинга на Тихвинской площади некоторые из руководителей его были арестованы, но волнения солдат не затихли. 21 сентября солдаты 12 полка в знак протеста против этих арестов отказались выйти на военные занятия. Их приехал уговаривать командующий войсками эсер Краковецкий. Ни уговоры, ни угрозы командующего не подействовали на солдат, а сам он был ими арестован. Для освобождения полковника Краковецкого к казармам двинулись два отряда юнкеров. После нескольких выстрелов по казармам из орудий солдатам пришлось сдаться. Освобожденный из-под ареста Краковецкий повел своих юнкеров и часть солдат 10 полка к казармам 11 полка, где также происходили волнения. Полк, собираясь защищаться, рассыпался в цепь перед своими казармами. Началась перестрелка солдат с юнкерами. У последних была артиллерия, начавшая стрелять по казармам. Под угрозой пушек 11 полк также вынужден был сдать оружие. Буржуазная власть, эсеры и меньшевики, торжествовали победу, но эта радость была преждевременной.

Сентябрьские события послужили хорошим уроком для солдат. Они показали им, что неорганизованное выступление обречено на поражение и что только в союзе с пролетариатом под руководством большевистской партии можно одержать полную победу над врагами трудящихся. Иркутских же большевиков, имевших твердую опору среди рабочих, сентябрьские события лишней раз побудили еще больше усилить работу среди солдат.

Большевики Красноярска, помня указания В. И. Ленина о значении революционной борьбы в Иркутске, оказали большую помощь иркутским товарищам. В Красноярске находилось тогда Средне-Сибирское бюро большевиков, руководимое Центральным комитетом партии. Среди красноярцев были старые партийные деятели, закаленные в революционной борьбе, тт. Боград, Вейнбаум, Окулов,

Б. Шумяцкий и др. Первые два товарища погибли во время гражданской войны от рук белогвардейских палачей. Из Красноярска в Иркутск приехал ряд видных большевиков. Они вместе с иркутянами провели большую работу по организации трудящихся для борьбы с буржуазией, эсерами и меньшевиками, выступали на рабочих собраниях, солдатских митингах, в совете и т. д.

В конце сентября и начале октября 1917 года при Иркутской большевистской организации была создана военная секция, сокращенно называемая «военка». Среди ее работников выделялся секретарь Иркутской партийной организации тов. К. Гершевич. Еще при царизме он прошел большой путь подпольной революционной работы, попав за это в тюрьму. Тов. Гершевич принадлежал к числу профессиональных революционеров, посвятивших всю свою жизнь великому делу освобождения трудящихся. Он зажигал своими речами непримиримую ненависть к врагам рабочего класса и призывал к стойкой борьбе против них. Товарищ Гершевич пользовался большим уважением, доверием, любовью рабочих и солдат. Во время гражданской войны он был замучен белогвардейцами.

«Военка» поставила своей задачей — прежде всего добиться перевыборов совета военных депутатов, в котором еще преобладали эсеры и меньшевики, упорно сопротивлявшиеся этим перевыборам. «Военка» выдвинула также требование о возвращении солдатам оружия, отобранного во время сентябрьского выступления. Это оружие по распоряжению юнкерского командования стали свозить в военное училище на случай борьбы с рабочими и солдатами. Особенно стремились запастись пулеметами, гранатами, бомбометами, удобными для уличных боев в городе.

Об этом интересно следующее сообщение бывшего го юнкера:

«Заблаговременно, без ведома училищного комитета или вопреки его постановлениям, наше начальство снабжало оружием и боевыми припасами, имевшимися в училище в изобилии, тех, с кем оно предполагало идти рука об руку в будущей гражданской войне. Оно, например, еще в ноябре передало в казачий дивизион 2 пулемета и ящик ручных гранат. Вообще наше офицерство рвалось в бой...»

Большевики вели решительную кампанию за перевыборы

рабочего и военного советов. Эти перевыборы, происшедшие в условиях упорной борьбы с эсерами и меньшевиками, дали большинство большевикам. Об этом 1-го ноября 1917 года было напечатано в газетах сообщение Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибирь):

„На днях в Иркутске, под влиянием Центросибири пали последние твердыни соглашательства—оба старых совета—рабочий и солдатский. Оба они переизбраны с колоссальнейшим преобладанием сторонников советской власти. В военном совете, например, созванном с представительством от рот и взводов, резолюция, предложенная Центросибирью, о взятии власти собрала 598 голосов против 230“...

Под руководством большевистских организаций Сибири в Иркутске был проведен с 16 по 24 октября 1917 года первый Общесибирский съезд советов. Съезду предшествовало Общесибирское партийное совещание большевиков. Это совещание, отметив, что «Советы, и в частности ряд советов Сибири, стали органами верховной революционной власти на местах», вынесло постановление о переходе всей власти к советам.

1-й Общесибирский съезд советов открылся в доме, принадлежавшем раньше миллионеру Второву, на углу Трапезниковской улицы (теперь улица Желябова) и Собакаревского переулка. Председателем съезда был избран большевик Окулов (председатель Красноярского совета). Съезд высказался за немедленное взятие власти в руки советов, приняв следующую резолюцию:

„1) Всякое соглашательство с буржуазией должно быть решительно отвергнуто.

2) Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должен немедленно взять власть в свои руки в центре и в согласии с ним—местные советы на местах. В борьбе за переход власти советы Сибири окажут Всероссийскому съезду действительную поддержку“...

На первом Общесибирском съезде советов был избран Центральный Исполнительный Комитет советов Сибири (Центросибирь). Центросибирью была занята небольшая комната в Белом доме. Большевики и делегаты Сибирского съезда, сочувствовавшие им, с нетерпением ждали 2-го Всероссийского съезда советов, он должен был начаться 25 октября. Они были убеждены, что этот съезд выскажется за власть советов, и готовы были оказать ему всяческую поддержку в борьбе за диктатуру пролетариата.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА БАРРИКАДАХ ИРКУТСКА

25 октября (7 ноября) 1917 года произошла победоносная Октябрьская революция. Она была совершена пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевистской партии. Октябрьским восстанием руководил Центральный и Петроградский комитеты большевиков. Центральным комитетом был избран для руководства восстанием Политический центр во главе с В. И. Лениным при непосредственном участии его лучшего соратника И. В. Сталина. Наряду с Политическим центром был выделен Военно-революционный центр по проведению вооруженного восстания в составе тт. Сталина, Свердлова, Дзержинского, Бубнова и Урицкого.

Волны Октябрьской революции смыли господство капиталистов и помещиков. Буржуазное Временное правительство было свергнуто. Вся полнота власти перешла к советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Была установлена диктатура (неограниченная власть) пролетариата и открыт широкий путь строительства социализма. Начавшись в Петрограде, революция охватила всю многонациональную Россию и отразилась во всем мире. Она пробудила миллионы трудящихся на борьбу за освобождение от капиталистического гнета.

В Иркутске первые известия об Октябрьской революции были получены 27 октября 1917 года. Напрасно местные комиссары Временного правительства, кадетские, эсеровские и меньшевистские газеты пытались скрыть и исказить сведения об этом величайшем в мировой истории событии. Правда о нем скоро докатилась и до Восточной Сибири. Получив известие об Октябрьском восстании в Петрограде, иркутские большевики от имени Бюро большевистских организаций Сибири, находившихся в Иркутске, Совета и Центросибири выпустили воззвание к трудящимся края, призывавшее поддержать героическую борьбу восставшего пролетариата Петрограда, создать Военно-революционный комитет и взять власть в руки советов. В свою очередь буржуазно-соглашательский «Комитет общественных организаций», в котором преобладали эсеры и меньшевики, издает свое воззвание против взятия власти

советах. Иркутский губернский комиссар Временного правительства Лавров заявил в своем приказе по всем учреждениям о непризнании советской власти и неподчинении ее постановлениям. Это был вызов врагов пролетарской диктатуры. Остатки буржуазной власти в Иркутске, надеясь на свою вооруженную опору (юнкеров, офицеров, казаков), решили сопротивляться установлению власти советов.

19 ноября состоялось объединенное заседание Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов. Рабочие и солдаты высказались за немедленный переход власти в руки советов. Был избран Военно-революционный комитет в составе гг. Я. Д. Янсона (председатель), П. П. Постышева, прапорщика Мельникова и солдата Базаркина. Военно-революционный комитет объявил, что единственной властью признается только Совет народных комиссаров, созданный восстанием петроградского пролетариата и гарнизона. Ревком же является представителем советского правительства в Иркутске. Под руководством ревкома началась организация рабочей Красной гвардии: формировались красногвардейские отряды, рабочие вооружались и обучались военному делу. Утром 4 декабря отрядами революционного комитета были заняты главные учреждения города (почта и телеграф, казначейство, продовольственный комитет, штаб военного округа и друг.). В эти учреждения для контроля были назначены ревкомом комиссары. Ревком арестовал губернского комиссара буржуазного Временного правительства Лаврова и некоторых военных начальников, известных своей контрреволюционностью. Мероприятия ревкома были встречены саботажем (противодействием, отказом от работы) чиновников и служащих, находившихся под влиянием эсеров и меньшевиков. Усиливалась контрреволюционная агитация буржуазных элементов.

Главными органами советской власти в Иркутске были Центральный исполнительный комитет советов Сибири и Военно-революционный комитет, избранный Иркутским советом рабочих и солдатских депутатов. Лагерь врагов советской власти также организовал свой центр. Еще 28 октября был создан так называемый «Комитет защиты революции», который возглавляли эсеры и меньшевики. На самом же деле этот комитет защищал вовсе не революцию,

а остатки рухнувшей буржуазной власти. Это был комитет защиты буржуазии и ее приспешников от пролетарской революции. Под видом организации самоохраны городских жителей «комитет защиты» приступил к формированию Белой гвардии. Руководство этой охраной было возложено на нескольких офицеров, а во главе ее стоят полковник Скипетров, впоследствии арестованный Военно-революционным комитетом. Этот Скипетров был ярый контрреволюционер и до ареста играл большую роль в подготовке выступления юнкеров против советской власти. В первый день этого выступления юнкера захватили гауптвахту и выпустили его. В гражданскую войну Скипетров был злейшим палачом сибирских рабочих в стане атамана Семенова. При Иркутском военном училище возник штаб контрреволюционных сил.

Над городом нависла туча гражданской войны. События разыгрывались быстро. Буржуазный «комитет защиты» в своем воззвании заявил, что он «поведет энергичную политическую борьбу с большевиками». На словах этот комитет высказывался против «братоубийственной, бессмысленной бойни», а на деле вел к ней юнкеров и казаков. Рабочие и солдаты, руководимые большевистской организацией и ревкомом, стремились избежать ненужных кровавых жертв. Но они были готовы к самой решительной вооруженной борьбе за власть советов. Никакие угрожающие воззвания «комитета защиты» не могли запугать их. В ответ на эти воззвания ревком разогнал один из центров мобилизации контрреволюционных сил—буржуазную городскую думу, вывез оружие из складов городской милиции, усилил работу по организации Красной гвардии. Вооружая юнкеров, представители буржуазной власти пускались на всякие хитрости, чтобы уменьшить боевую силу революционных солдат в городе. Еще в начале ноября 1917 года старый штаб Иркутского военного округа, пытаясь внести разложение в революционные части войск, издал приказ об отпуске домой 10 процентов солдат. Сначала солдаты, измученные продолжительной войной, не поняли для чего издается этот приказ. Они были рады побывать в родных местах после долгой отлучки. Большевикам пришлось провести большую разъяснительную работу и доказать солдатам, что приказ штаба имеет контрреволюционные цели:

старое военное начальство хочет распустить побольше солдат из Иркутска, чтобы легче справиться с остальными. Тогда солдаты отказались уходить в отпуск. Они требовали вооружения Красной гвардии и разоружения юнкеров. Солдаты помнили сентябрьские события, когда юнкера «усмиряли» их. Во время Октябрьской революции отряды юнкеров выступали на стороне буржуазного правительства в Петрограде, Москве и других городах.

Военно-революционный комитет в своем воззвании к юнкерам и казакам призвал их учесть печальный опыт других городов, не поддаваться контрреволюционной агитации, не выступать против рабочих и солдат. Тогда, — говорил ревком, — мы избежим кровавых столкновений. Но юнкера и казаки усиленно «обрабатывались» врагами пролетарской революции. Их контрреволюционное начальство для воздействия на юнкеров пустило в ход всякую клевету и обман. Один из офицеров эсер Суслов сделал на собрании юнкеров совершенно ложное сообщение о положении дел в Европейской России. Он заявил, что Петроград занят войсками Керенского, стоявшего во главе буржуазного Временного правительства; генерал Корнилов осадил Москву, атаманом Дутовым занят Урал, а генералом Калединым — весь юг России. В то время, когда буржуазная власть была уже свергнута, контрреволюционеры, наоборот, заявляли об ее победах. Этим они хотели ободрить юнкеров перед выступлением, убедить их в возможности победы над советской властью. Юнкерам внушали, что большевики «захватчики» власти, которая должна принадлежать не советам, а особому Учредительному собранию. Наконец, их запугивали, что, согласившись на разоружение, юнкера будут перебиты солдатами.

Все это было сплошной ложью и клеветой. Полковник Скипетров, капитан Тарновский, участвовавшие в 1905—1906 гг. в карательном отряде палача сибирских рабочих генерала Ренненкампа, и другие контрреволюционеры призывали к вооруженной борьбе, к аресту ревкома и установлению своей офицерско-юнкерской власти в городе.

Необходимо было немедленно распустить военное училище и школы прапорщиков, ставшие очагами контрреволюции. Хорошо понимая это, ревком 5 декабря 1917 года предъявил военному училищу и школам прапорщиков тре-

бование: к 2 часам дня 8 декабря сдать оружие, юнкерам получить документы, деньги на дорогу и разъехаться по домам. 1 и 2 школы прапорщиков решительно отказались подчиниться приказу ревкома. К ним присоединилось военное училище. На собрании юнкеров и офицеров 7 декабря в военном училище намечилось два течения. Одни призывали не подчиняться приказу, арестовать Военно-революционный комитет, «объявить войну большевикам и установить в городе власть, составленную из юнкеров и казачества», или передать ее «комитету защиты». Другая часть (меньшинство) заявляла о необходимости выполнить приказ ревкома и высказывалась против вооруженного выступления «считая преступлением применение вооруженной силы. против рабочих и солдат». Их доводы были отвергнуты. Большинство оказалось на стороне первого течения, призывавшего к вооруженной борьбе против советской власти. Против юнкеров, не пожелавших выступать и ушедших, началась травля. Раздавались даже крики: «Вот их сперва надо прикончить, а потом за других уже приниматься». Ушла небольшая часть юнкеров (около 180 человек). 8 декабря они перешли в казармы 12 полка. В противоположность уверениям контрреволюционного офицерства о неизбежности кровавой расправы солдат с безоружными юнкерами, их никто не тронул. В этот же день начались упорные бои с юнкерами, поднявшими оружие против советской власти.

Большую опасность для советских войск могла представлять 3-я школа прапорщиков, находившаяся на ст. Иннокентьевской в 7-ми километрах от Иркутска. В случае выступления юнкеров этой школы, они могли захватить железную дорогу и прервать железнодорожное сообщение Иркутска с другими городами. Кроме того, они могли наделать много вреда, напав с тыла на советские войска. Советский штаб установил, что юнкера 3-й школы прапорщиков колеблются в отношении вооруженного выступления. Было решено, во что бы то ни стало, удержать их от этого. Вечером 8 декабря представитель советского штаба солдат Дмитриев и другие товарищи с риском для жизни пробрались в казармы юнкеров и начали с ними переговоры о роспуске школы. После долгих переговоров юнкера согласились разойтись на таких условиях: им обеспечивается полная безопасность, они получают по 250 рублей подъем-

Иркутская областная библиотека
Ф. Кудрявцев. На баррикадах Иркутска
И. И. Молчанов
Сибирское государственное архивное управление
Б.А.С.С.Р.

96565

Оф. № 0897

ных, по отрезу сукна на гимнастерку и галифе, а затем, взяв свои вещи и документы, разъезжаются по домам. Условия эти были приняты, и к вечеру 9-го декабря 3-я школа прапорщиков опустела. Таким образом, в начале декабрьских боев советскому штабу удалось устранить опасность нападения со стороны ст. Иннокентьевской и обеспечить свободный путь на запад. В самый разгар сражения по этой дороге прибыли на помощь иркутским рабочим и солдатам вооруженные рабочие и солдаты других городов Сибири.

Декабрьские бои

Тлевший костер гражданской войны разгорался в яркое пламя. Улицы города превращались в поля сражений. Обычный городской гул заменился грохотом пушек, зловещим уханьем разрывающихся снарядов, треском пулеметов и винтовок, свистом пуль. Ряд домов сделался осажденными крепостями. Из окон и в них летели пули и гранаты. По улицам то осторожно пробирались вооруженные люди, выслеживая противника, то рассыпались в цепь, и начиналась горячая схватка. Закрылись предприятия, магазины, учреждения, школы. Только больницы, наполнявшиеся ранеными, не прекращали своей деятельности. Потухло электричество; ночью город освещался заревом пожаров. Иркутяне, не принимавшие участия в боях, тревожно сидели в квартирах или прятались со своими детьми в подпольях. Некоторые выезжали из города. Шальные пули никого не щадили. 9 суток (с 8 по 17 декабря) в Иркутске происходили ожесточенные бои.

Подводя итоги декабрьских боев 1917 года, председатель Иркутского ревкома старый большевик Я. Д. Янсон так характеризовал две силы, два вооруженных лагеря, боровшихся между собой:

«С одной стороны совет рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционный комитет и его армия — рабочие и солдаты, с другой стороны — «комитет спасения» и его армия — юнкера, офицеры, казаки и примкнувшие к ним отдельные лица из буржуазных кругов. На нашей стороне были симпатии неимущих, на стороне наших противников — симпатия и помощь имущих.

Революционные силы рабочих и солдат боролись за определенные и ясные цели—за власть неимущих, за власть рабочих, солдат и крестьян против власти буржуазии и мелкой буржуазии. Мы боролись за торжество единственного последовательного защитника народной свободы, единственного борца за лучшее будущее, за торжество пролетариата... Мы боролись против тех, кому ненавистно торжество неимущих, против тех, кто на словах и в программах называли себя защитниками народа, а на деле расстреливали этот народ, когда он действительно хотел осуществить свои требования.

На войну против рабочих и солдат юнкеров вел «комитет защиты», состоящий из эсеров и меньшевиков. Пулеметы расстреливали рабочих по указке правых социалистов, тех самых господ, которые так часто говорили от имени рабочих и крестьян. Запомните это, товарищи рабочие и солдаты, оцените правильно этих социалистов, поднявших руку на вас, выпустивших против вас сотни в большинстве своем бессознательных юношей-юнкеров, бьющихся не столько за политические идеалы, сколько из-за ненависти к той массе, которая пыталась ограничить и уничтожить их привилегированное положение. Правые социалисты выступили, как злейшие враги рабочих и солдат и ушли от народа навсегда»...

Для руководства военными действиями советских войск был создан штаб в составе: командующего т. Дмитриевского, начальника политической части т. Янсона, начальника формирований и снабжений т. Б. Шумяцкого. Во главе военных частей стояли активные работники большевистской партийной организации, Центросибири и ревкома. Во время боев советский штаб несколько раз менял свое местопребывание в зависимости от боевой обстановки. Из Белого дома он еще до начала боев перешел во 2-е общественное собрание на Большой улице (теперь ул. Карла Маркса, между 2-й и 3-й Красноармейскими), затем переехал на мелочной базар (туда, где теперь слюдфабрика). Оттуда—в прогимназию Гайдук против понтонного моста. Наконец, советский штаб снова переселился в район мелочного базара. Днем и ночью в штабе кипела работа. Спешно создавались планы боевых действий и принимались меры для их проведения: медлить были нельзя, требова-

*Б. З. Шумяцкий—член штаба
советских войск в Иркутске
в 1917 г.*

лась быстрота и решительность. Отправлялись руководящие приказы различным группам советских войск, получались донесения о ходе боев. Приводили захваченных в плен врагов, приносили раненых. Сложной и чрезвычайно ответственной была работа штаба, руководившего борьбой. На нем лежала ответственность за самый исход боев, ему были вверены сотни человеческих жизней. Советский штаб оказался на высоте своего положения, с честью выполняя долг, возложенный на него партией и советами.

Военное училище и 2 школы прапорщиков, бывшие главной опорой враждебного лагеря, находились в самом центре города. В некоторой отдаленности от центра находилась другая часть антисоветских сил—Иркутский казачий дивизион (на Казачьей улице). К ним присоединились воспитанники старших классов Иркутского кадетского корпуса. Во время боев казаки и кадеты занимали кроме казачьих казарм детскую больницу и район верхнего базара—«барахолку». Юнкера надеялись еще на помощь со стороны забайкальских казаков, но эта надежда не оправдалась. Среди казачества происходило расслоение. Бедняцкая и

*Я. Д. Янсон—член Иркутской
ревкома и штаба советских
войск в Иркутске в 1917 г.*

средняя часть казаков, побывавших на фронте, сочувствовала большевикам. Революционные казаки-фронтовики, сменившие свой старый командный состав, содействовали установлению власти советов в Забайкалье и защищали ее. Кулацкая же часть казаков во главе с генералами и офицерами явилась опорой контрреволюции. Но во время декабрьских боев 1917 г. они не обладали такой силой, чтобы оказать непосредственную помощь иркутским юнкерам.

Казармы солдат располагались преимущественно за городом или на его окраинах. В центре находились только казармы 11 полка на Амурской улице (улица Ленина). Во время боев этот полк оставил свои казармы, так как близко от них была 1-я школа прапорщиков, которую обстреливала советская артиллерия. 11 полк перебрался на противоположную от казармы сторону Амурской улицы и поместился в 1-м общественном собрании (теперь дом Культуры). 9, 10, 12 пехотные полки, расположенные в загородных казармах, были в период декабрьских боев передвинуты к центру, ближе к районам расположения юнкеров и казаков. Кроме пехотных полков Иркутского гарни-

зона в состав советских войск входили 3 артиллерийских батареи, отряды рабочей Красной гвардии, небольшое количество солдат, прибывших из Военного городка, и часть грузинской дружины. По сравнению с юнкерами советские войска были хуже вооружены. В этом сказались печальные последствия разоружения солдат после сентябрьских событий, когда у них были отобраны пулеметы, бомбометы, гранаты, перевезенные к юнкерам. Против винтовок советских войск их противники выдвигали пулеметы, бросали гранаты, пускали в ход бомбометы, удобные для уличных боев. Против пулеметов и бомбометов советским вооруженным силам пришлось употребить пушки. Артиллерия была расположена в нескольких местах: в Глазковском предместье (Свердлово), за Ангарой, в Знаменском предместье (Маратовском), на Петрушиной горе (окраина города) и на горе Крестовской церкви (улица Ленина).

Я. Д. Янсон, бывший, как мы знаем, в штабе советских войск, так характеризовал декабрьские бои 1917 года в Иркутске:

«Уличная борьба в Иркутске приняла широкий масштаб. Не было партизанской баррикадной борьбы, а была война со всеми военными средствами. С одной стороны пулеметы и бомбометы, с другой—орудия, снаряды. Советские военные силы полагали, что им придется бороться главным образом ружейным огнем и употреблять пушки лишь в исключительных случаях. Но скоро обнаружилось, что это предположение ошибочно. Против солдат и рабочих, вооруженных винтовками, с первой же ночи был направлен пулеметный огонь, на них посыпался град пуль и стало ясно, что, не имея пулеметов, бороться со своим противником, вооружившись только винтовками—значит итти на неминуемую смерть. Советские военные силы были принуждены произвести орудийный обстрел домов, где предполагалось местонахождение пулеметов»...

Кроме пушек против вражеских пулеметчиков и бомбометчиков советские войска выделяли группы отличных, особенно метких стрелков.

«Таких стрелков-красногвардейцев и солдат из числа коренных охотников было немало. Обыкновенно группа отличных стрелков замаскированно устраивалась в таком месте, откуда был возможен широкий обстрел и хорошее

наблюдение. При появлении бомбометов и пулеметов противника меткие стрелки либо снимали прислугу (т. е. убивали обслуживающих пулемет юнкеров), либо заставляли прекращать огонь»—рассказывает тов. Д. Эйдеман.

В самом начале боев днем 8 декабря цепи хорошо вооруженных юнкеров, выйдя из военного училища и школ прапорщиков, заняли ряд прилегавших к ним центральных районов города. Юнкерами 1-й школы прапорщиков был охвачен район от Казарминской до Большой улицы (ул. Карла Маркса), от набережной Ангары до городского театра. Группа юнкеров заняла музей Географического общества (уг. ул. К. Маркса и Набережной), находившийся против Белого дома, чтобы вести наблюдение за ним. Белый дом, отрезанный от главных советских сил, оказался со всех сторон во вражеском окружении. Район от Ангары до Амурской (ул. Ленина) и от Большой до Харлампиевской (рл. Горького) был захвачен юнкерами военного училища. В большой усадьбе мужской гимназии по Амурской улице, занимавшей почти весь квартал между Харлампиевской и Баснинской (ул. Свердлова), укрепились юнкера 1-й школы прапорщиков. Часть юнкеров продвинулась дальше до Тихвинской площади и установила пулемет на Тихвинской церкви (теперь эта церковь разрушена). Из районов своего расположения юнкера совершали вылазки против советских войск, но расширить пределы этих районов захватом новых им не удалось. Наоборот, под давлением советских войск, боевые действия которых поддерживались артиллерией, юнкерам пришлось очистить часть местности, занятой ими вначале выступления.

10 декабря юнкера были выбиты из района Казарминской улицы. Бой здесь начался к вечеру 8 декабря, когда разгорелась перестрелка между солдатами 11 полка и юнкерами 1-й школы прапорщиков. Солдаты, раскинувшись цепью, пошли в наступление. Юнкера кроме винтовок пустили в ход пулеметы и гранаты, засев в каменном помещении своих казарм. Советские войска усилили ружейный огонь и одновременно стали обстреливать юнкерские казармы из орудий, расположенных на горе Крестовской церкви. Все сильнее и сильнее развивала огонь артиллерия. Здания первой школы прапорщиков и находившейся

поблизости к ней гауптвахты (помещение для арестованных военных) были разрушены снарядами. 10 декабря на их месте торчали лишь голые каменные стены с зияющими дырами разрушенных окон. Юнкера 1-й школы прапорщиков вынуждены были перебежать по направлению к Большой улице. Часть их заняла музей Географического общества, часть перебралась к военному училищу и 2-й школе прапорщиков. 12 декабря красногвардейцы и солдаты после боя с юнкерами заняли Тихвинскую церковь, бывшую одним из опорных пунктов враждебного лагеря. С колокольни этой церкви юнкера обстреливали район Тихвинской площади, где находилось значительное количество красных сил. Советская артиллерия заставила замолчать пулемет, и под напором красных частей юнкера отступили.

В разных частях города завязывались бои советских войск с юнкерами и казаками. Особенно жаркие сражения были возле Белого дома, затем у прогимназии Гайдук против понтонного моста, в районе военного училища и 2-й школы прапорщиков и в расположении казачьего дивизиона и детской больницы на Казачьей улице. Невозможно учесть и описать все мелкие схватки на улицах Иркутска.

Белый дом в осаде

Известна героическая защита Белого дома, где во время боев юстался ряд руководящих партийных и советских работников с группой красногвардейцев и солдат. Всего в Белом доме насчитывалось около 150 человек. Во главе его защитников стояли большевики: П. П. Постышев (тогда член Иркутского ревкома), М. Трилиссер, Я. Шумяцкий, Н. Шевцов (члены комитета иркутской организации большевиков), С. Лебедев (начальник Красной гвардии), Райосер (член Окружного бюро советов), Насимович-Чужак (писатель), С. Блюменфельд и 3 тов. (молодые прапорщики, бывшие в военном штабе Белого дома). Почти 8 суток плохо вооруженные защитники Белого дома отбивали яростные атаки окруживших их, превосходно вооруженных, юнкеров. «История защиты Белого дома, — пишет тов. Б. Шумяцкий, — незабываемый эпизод в борьбе

сибирского пролетариата за диктатуру пролетариата»... Бывший дворец генерал-губернатора стал советской крепостью.

Из оружия у защитников Белого дома были только винтовки, берданки с ничтожным количеством патронов да несколько револьверов. В трескучий мороз большинство белодомцев были в сапогах и шинелях. Все окна в Белом доме были выбиты. Спускаться во двор за дровами было опасно: юнкера осыпали градом пуль всех, кто показывался из Белого дома. Пришлось топить печи мебелью, снимать деревянные двери у комнат и пр. Толстые шторы и различные занавески были использованы для «утепления» одежды. Ими обертывались под шинелью, из них делали портянки, наконец, ими же стали укутывать раненых. В доме оказался энергичный фельдшер 11 полка, организовавший перевязку раненых и уход за ними. Возник небольшой лазарет.

Во время осады Белый дом был отрезан от главных советских сил. Связь с советским штабом поддерживалась через пролетарский Красный крест (тт. Иогансон, М. Сахьянова и др.). Приезжавшие работники Красного креста увозили раненых, сообщали распоряжения ревкома, некоторые сведения о положении дел в городе, привозили хлеб и перевязочные материалы. Иногда удавалось провезти патроны.

«Только изредка,— пишет тов. Постышев,— в Белый дом удавалось проникнуть нашему большевистскому Красному кресту. Жены рабочих и партийцев привозили нам защитные в юбках патроны, хлеб и перевязочные материалы. Это было все, что можно было доставить для подкрепления героев Белого дома...»

Для руководства защитой был организован штаб в составе тт. Постышева, Трилиссера, Лебедева, Блюменфельда, Зотова и Чужака-Насимовича.

Тов. Постышев, руководивший защитниками Белого дома — старый партийный работник, закаленный в борьбе за социализм. При царизме он вел активную работу в подпольных организациях большевистской партии. Арестованный царским правительством П. П. Постышев после долголетнего тюремного заключения был сослан в декабре 1912 г.

*П. П. Постышев—член
Иркутского ревкома
в 1917 г.*

в Восточную Сибирь. Здесь он продолжал свою революционную деятельность. В 1914—1916 гг. тов. Постышев жил в Иркутске и работал монтером на городской электрической станции. Он вел пропаганду среди рабочих, имея руководящую роль в Иркутском партийном комитете.

В период Февральской и Октябрьской революции П. П. Постышев был на руководящих постах партийной, профсоюзной и советской работы. В момент декабрьских боев 1917 г. тов. Постышев—член Иркутского Военно-революционного комитета. Вместе с другими членами штаба он организовал оборону Белого дома, воодушевлял защитников, мужественно и смело сражался с врагами. Под умелым руководством в Белом доме создалась стойкая боевая единица. Было пущено в ход все имевшееся оружие от винтовок до старых бердан и револьверов. Часовые зорко охраняли советскую крепость; отважные разведчики совершали вылазки. Они нападали на врагов и следили за их действиями, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Защитники Белого дома с гордостью вспоминают о пережитом. В своих устных рассказах молодняку и соратникам других фронтов гражданской войны они выделяют руководящую роль П. П. Постышева. Вот что рассказывает один из них — старый рабочий меззавода им. Куйбышева тов. Тойкин:

«...Товарищ Постышев говорил: «Винтовочку берешь, это не игрушка. Раз взял — бери крепче. Если ты бросишь — смерть будет». Я и сейчас его слова помню. До самой смерти не забуду. «Кто трус, лучше не бери винтовку — это тебе смерть будет. Если взял, держи, как следует» (по записи А. В. Гуревич).

Через несколько дней осады, в самый разгар декабрьских боев П. П. Постышев по распоряжению ревкома был командирован из Белого дома в главный штаб советских войск для укрепления руководства ими. Белый дом находился тогда во вражеском окружении. Но тов. Постышеву удалось пробраться в советский штаб.

«Я выбрался из Белого дома и удачно добрался до нашего штаба, — пишет П. П. Постышев... Прибыл в штаб ночью. Вот какую картину я видел в эту ночь в части города, занятого красногвардейцами. Тысячи рабочих и солдат-бородачей были разбиты по отдельным боевым участкам; они лежали в цепи за заборами, в которых были прорублены отверстия для стрельбы, лежали вдоль улиц; десятки бойцов были разбросаны по чердакам; стрельба из винтовок и артиллерийская стрельба не прекращалась¹.

Тов. Постышев вошел в состав главного штаба советских войск. На этом посту он оставался до самого конца декабрьских боев.

Руководители обороны и рядовые бойцы Белого дома дали не мало примеров героизма. Начальник Красной гвардии Сергей Лебедев командовал группой неустрасливых разведчиков. Он все время рвался к новой и новой борьбе, увлекая бойцов своим примером.

Тт. Блюменфельд и Зотов — молодые, деятельные смелые были постоянно на боевом посту. Они вносили в дело защиты Белого дома много энергии и мужественного

¹ П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири. Изд. „Пролетарий“ 1928 г., стр. 14—15.

*С. Лебедев—начальник
Иркутской Красной
гвардии*

воодушевления. Организуя бойцов, эти товарищи храбро дрались в атаках. Оба они были ранены. Среди бойцов были старые рабочие-красногвардейцы, солдаты, уже бывавшие в боях, и молодежь, едва вступившая в жизнь. Для многих декабрьские бои были первым боевым крещением.

«Какой то красногвардеец-старик,— рассказывает тов. Чужак,— два раза раненый, бросался после перевязки снова в драку. Солдаты дрались сосредоточенно и деловито». Вот—изнеможенный разведчик Н., подсевший к Зотову— «Витя, уж ты меня ослобони сейчас: я ничего не понимаю». «Ну ладно, милый, отдохни». А через час уже снова на разведке, а через несколько часов с двумя опасными ранами лежал раздетый, в лазарете, не стонал, и скверно, беззлобно ругал юнкеров». Молоденький юноша лет 17—18, ученик средней школы т. Гутман смело сражался в группе осажденных, отбивавшихся в самом опасном верх-

нем этаже Белого дома. Этот этаж усиленно обстреливался юнкерами с балкона музея (со стороны ул. К.-Маркса).

«Вот целый ряд солдат, пишет тов. Чужак, неговорливых, как Сас-ов, веселых и всегда улыбающихся, как Р-ко. Их главная черта — простота, неговорливая убежденность... Низкий поклон им всем, этим десяткам, голосовавших за народную рабоче-крестьянскую власть не безразличными, не праздными руками». Они героически боролись за власть советов с оружием в руках.

Лазарет наполнялся ранеными. Фельдшер и три сестры милосердия добыли кое-какие медикаменты; на перевязку использовались носовые платки. Раненых пришлось перенести в глухой подвал, так как в самый дом везде залетали пули.

Перестрелка защитников Белого дома с юнкерами, начавшись 8 декабря, не прерывалась на протяжении почти всей его осады. Она то временно затихала, то снова разгоралась с еще большей силой. Особенно жаркие схватки происходили во время атак. Первая атака была 10 декабря вечером.

Сначала юнкера, занимавшие музей Географического общества, пытались взорвать боковую стену Белого дома. Подкравшись к стене, они в двух местах заложили пироксилин и подожгли шнур, но взрыв не удался. С балкона музея Белый дом обстреливался из пулемета. Небольшая цепь юнкеров залегла за сквером на берегу Ангары и начала обстрел Белого дома с фронта. Остальные юнкера бросились в атаку на Белый дом. В окна здания полетели гранаты. Некоторые из них попали внутрь; раздались оглушительные взрывы. Защитники Белого дома отвечали частой ружейной стрельбой. Юнкера, пытаясь запугать их, бросили еще несколько гранат и предложили им сдаться. Вместо ответа из Белого дома слышались выстрелы. Юнкера снова стали бомбардировать своеобразную советскую крепость гранатами. Попытка захватить Белый дом внезапной атакой не удалась. Встретив энергичный отпор со стороны его защитников, юнкера вынуждены были отступить в музей.

Потерпев неудачу в первой атаке, офицеры и юнкера по приказанию своего штаба решили произвести новую

атаку, собрав для этой цели более значительные силы. Вторая атака началась вечером 11 декабря. На балконе музея был установлен пулемет для обстрела Белого дома с боковой стороны, выходившей на Большую улицу (ул. Карла Маркса). С фронта Белый дом обстреливался отрядом юнкеров под начальством двух офицеров с одним пулеметом (они залегли на берегу Ангары). С тыла советскую крепость атаковал новый отряд из офицеров и юнкеров, двинувшихся от Троицкой улицы (ул. 5-й армии) ко двору Белого дома. По сигнальной ракете начался усиленный обстрел Белого дома с трех сторон. Со стороны музея было выпущено пять бомб из бомбомета. Несмотря на сильный неприятельский обстрел, отряд Белого дома упорно защищался. Взвилась вторая ракета. Это было сигналом временного прекращения обстрела. Офицерско-юнкерское командование предложило защитникам Белого дома сдать. Осажденные ответили на это усиленным огнем. Офицерский отряд и часть юнкеров, поддерживаемые с трех сторон пулеметным и ружейным огнем, цепью двинулись к самым стенам Белого дома. Защитники его из маленьких окон, выходивших во двор, расстреливали противника на открытом месте. Одновременно в юнкеров посыпались пули из окон пристройки, примыкавшей к главному помещению Белого дома. Атака снова была отбита. Но положение Белого дома становилось все тяжелее и тяжелее. Иссякал последний запас патронов и продовольствия. Крепчал мороз, а не было теплой одежды. Увеличилось количество раненых, были убитые. В такой обстановке началась третья атака Белого дома.

Контрреволюционный штаб составил подробный план нападения на Белый дом с применением различных видов оружия: винтовок, пулеметов, бомбометов, минометов. Все это было направлено против винтовок защитников Белого дома. В случае неудачи захвата Белого дома атакой, было решено его поджечь. Для этой цели офицерско-юнкерский отряд захватил с собой на санках 2 четверти керосина, 1 четверть бензина, смешанного со спиртом, пропитанную бензином паклю, несколько штук факелов и проч. Отряд, состоящий из офицеров, юнкеров, казаков и кадет, разделившись на три части, стал окружать Белый дом.

Был уже первый час ночи. После сигнальной ракеты начался усиленный обстрел Белого дома с трех сторон. Раздались ружейные залпы, затрещали пулеметы, ухнул бомбомет. Со стороны Белого дома отвечали выстрелами. Снова взвилась ракета. Стрельба прекратилась и отряду Белого дома предложено было сдать оружие. Юнкера кричали об этом несколько минут. Но осажденные в ответ на предложение о сдаче начали ожесточенный обстрел противника из окон. По третьему сигналу снова усилился неприятельский огонь. В окна нижнего этажа полетели гранаты. Юнкера, выломав прикладами оконные рамы, ворвались в Белый дом, зажгли факелы и стали продвигаться, забрасывая комнаты здания гранатами. В каждой комнате они встречали отчаянное сопротивление. Из разных углов дома раздавались выстрелы. Уже в самом доме было убито несколько офицеров и юнкеров.

На восьмые сутки осады (15 декабря) произошла сдача Белого дома. Захватом его офицерско-юнкерское командование пыталось оказать воздействие на ход мирных переговоров и добиться различных уступок для себя. Но это им не удалось. 19 декабря юнкера были вынуждены сдать оружие советам.

Борьба за понтон

Понтонный мост через Ангару имеет огромное значение для Иркутска. До замерзания реки он связывает город со Свердловским предместьем, где находится железнодорожная станция. Через понтонный мост проходит главный путь к железной дороге, связывающий Иркутск с другими местностями нашей обширной страны.

Понятно поэтому, что во время декабрьских боев 1917 г. в Иркутске каждая из боровшихся сторон стремилась завладеть понтонным мостом. По Ангаре в это время шла шуга (мелкий лед), но река еще не замерзла.

Меры к охране моста ревком стал принимать еще до начала декабрьских боев. Утром 4 декабря отряд солдат и красногвардейцев занял небольшой двухэтажный каменный дом по Набережной улице, находящийся возле подъезда к понтону. В этом здании помещалась тогда прогимназия Гайдук. На другой день по просьбе начальницы про-

гимназии помещение было освобождено, а в ночь с 7 на 8-ое декабря вновь занято советским отрядом, охранявшим понтонный мост. На самом понтоне стали устанавливаться караулы. Юнкера не один раз пытались захватить понтон. Еще днем 8 декабря они начали обстреливать из пулеметов караул, охранявший мост. Солдаты, спрятавшись за поленницей дров, отвечали противнику ружейным огнем. Перестрелка продолжалась около часа. Затем солдаты, совершив смелую вылазку из-за своего прикрытия, выбили юнкеров из углового дома по Набережной улице. Стрельба однако не замолкла и продолжалась всю ночь.

По понтонному мосту красным частям доставляли из военного городка патроны и продовольствие. Наконец, в самый разгар боев по понтону двинулись в город прибывшие по железной дороге отряды рабочих и солдат из Черемхово, Канска, Красноярска и Ачинска. Они шли на помощь иркутским рабочим и солдатам, считая их борьбу за советскую власть своим родным делом.

Как мы уже знаем, вечером 8 декабря представители Иркутского ревкома отправились на ст. Иннокентьевскую с целью добиться роспуска находящейся там 3-й школы прапорщиков и успешно выполнили эту задачу. В это же время член штаба советских войск тов. Б. Шумяцкий подал со ст. Иннокентьевской телеграммы в другие города Восточной Сибири с просьбой о высылке подкрепления. Никаких подробностей о положении дел в Иркутске в телеграмме не было. Интересно, что подача этой телеграммы не из Иркутска, а со ст. Иннокентьевской привела к неправильным выводам. В Канске, например, создалось впечатление, что Иркутск захвачен юнкерами, а советские войска, отступив из города, отсиживаются в районе Иннокентьевской. Имея такое неправильное представление о положении в Иркутске, отряд канцев высадился сначала на ст. Иннокентьевской, а затем уже, узнав об ошибочности своих предположений, направился в Иркутск. «Обстановка оказалась далеко не такой страшной, как она рисовалась вначале,—рассказывает один из руководителей канского отряда т. Эйдман. Железнодорожная станция с прилегающим пригородом, а равно единственный понтонный мост через Ангару находились в наших руках». Прибытие красных отрядов из других городов относится, примерно,

к 12—13 декабря. Это был период самого разгара боев после неудачи первой попытки переговоров о мире, происходившей 10—11 декабря.

Во время переговоров с юнкерами и казаками Военно-революционный комитет (его представителем был тов. Б. Сташевский) настаивал на своих прежних требованиях о разоружении юнкеров и роспуске их по домам. Выступление 8 декабря окончательно подтвердило убеждение ревкома, что военные училища стали опорой контрреволюции. Только их роспуск мог предотвратить новые выступления против власти советов. Юнкера во время мирных переговоров выдвинули требования, совершенно неприемлемые для ревкома. Они требовали разоружения и роспуска по домам всех солдат Иркутского гарнизона, расформирования и разоружения Красной гвардии. Сами же юнкера в своем воззвании, выпущенном 10 декабря, заявляли, что они никогда не исполнят приказа ревкома о разоружении. В ответ на такие требования юнкеров Военно-революционный комитет усилил военные действия.

Наступление советских войск разбило планы контрреволюционного командования, предполагавшего нанести ряд крупных ударов красным частям. Командный состав юнкерского штаба хотел употребить все усилия для захвата или в крайнем случае приведения в негодность советских орудий, стоявших на горе Иерусалимской улицы (ул. Коммунаров) и на Большой ул. (ул. Карла Маркса) около 6 Солдатской (6-я Красноармейская). Между тем, под напором советских войск юнкера вынуждены были очистить эти районы. Орудие, находившееся на Иерусалимской горе в районе Крестовской церкви, которое пытались захватить юнкера, разгромило 1-ю школу прапорщиков на Казарминской улице. Попытка захвата орудий юнкерами потерпела полную неудачу. Наоборот, несколько юнкерских пулеметов, занявших удобные позиции для обстрела советских отрядов, были сбиты с этих позиций. Юнкера временно захватили здания почты и телеграфа, но скоро вынуждены были очистить их. Неудачной оказалась и попытка захватить понтон.

Утром 9 декабря здание прогимназии Гайдук было занято советским отрядом в 200 человек. 12—13 декабря, когда стали прибывать отряды красногвардейцев и солдат

Прогимназия Гайдук—помещение штаба советских войск во время декабрьских боев 1917 г. в Иркутске

из других городов, в прогимназии находился главный штаб советских войск. Он направлял прибывавших бойцов на различные участки сражений с противником. По свидетельству тов. Эйдемана, советский штаб был «организующим центром, который двигал в бой части, организовывал новые, формировал подкрепления, боролся с бандитизмом, вдохновляя на бой»... «Это был штаб восстания, штаб революционных действий». По заданию штаба Канский отряд совершил попытку пробиться по Набережной к Белому дому, но эта попытка не удалась. Неопытные в боях и плохо знавшие расположение города бойцы были встречены усиленным ружейным и пулеметным огнем юнкеров. Отряд отступил к прогимназии Гайдук, куда стала стягиваться и часть других отрядов. Советский штаб к этому времени перешел уже в другое место.

Юнкера всемерно стремились захватить понтон, чтобы не допустить прибытия новых подкреплений к советским войскам. Солдаты и красногвардейцы, собравшиеся в прогимназии Гайдук, решили обороняться во втором этаже здания. Несколько бойцов и гранатометчиков (у отрядов, прибывших из других городов, имелись гранаты) были расставлены возле окон. У лестницы находилась группа во главе с одним из черемховских рабочих. Он, по свидетельству тов. Эйдемана, был прекрасным гранатометчиком.

На берегу Ангары началась перебежка юнкеров, двигавшихся к понтонному мосту. Разгорелась перестрелка. В нижний этаж прогимназии полетели юнкерские гранаты. Засвистели пули вражеского пулемета. Красным бойцам, находившимся в верхнем этаже, казалось, что пол проваливается. Наступали тревожные минуты. Перестрелка усиливалась. Юнкера под прикрытием усиленного пулеметного огня, бросая гранаты, приближались к прогимназии и понтонному мосту. Но красный отряд от обороны перешел в наступление. Отчаянная атака солдат и красногвардейцев отбросила юнкеров назад.

«Черемховец,— рассказывает тов. Эйдеман, отогнав несколькими метко брошенными ручными гранатами от лестницы группу наиболее смелых юнкеров, бегал от окна к окну с невероятной скоростью и быстротой, бросая гранаты. У юнкеров могло создаться впечатление, что здесь, во втором этаже, засела целая группа гранатометчиков. Остаться так дальше в здании нельзя. Надо организовать вылазку. Как поднять на это, как организовать набившихся в комнаты и коридоры вооруженных людей, беспомощных в своей растерянности?

В темноте обстреливаемого здания — тревога и смятение. И организующая воля смелых, не теряющих бойцов. И силуэт дерзкого черемховца в просвете окна.

По коридорам и комнатам мечется сестра из пролетарского Красного креста.

— Стыдитесь! Кто вы? Солдаты или бабы?.. Нюни распустили.

Слова женщины заражают своей бодростью, заставляют вылезать из углов самых растерявшихся.

И сама она в числе первых, в числе смельчаков выскакивает на ушедшую в предрассветный туман улицу.

За этим смелым авангардом все, что в темной панике набилось в здание штаба, вихрем вырвалось на улицу и устремилось к мосту.

Этот вихрь ста пар обезумевших ног в предрассветном тумане создавал впечатление какой-то дикой, озверелой атаки. Юнкера, продвинувшиеся было к мосту, подались в сторону».

Все попытки юнкеров захватить понтонный мост были отбиты. Им прочно завладели советские войска...

Советы победили

Продолжавшаяся 8 суток борьба стоила сотен убитых и раненых. Точное количество жертв не установлено. По приблизительным данным Исполнительного комитета советов Сибири, во время декабрьских боев 1917 года в Иркутске было убито и ранено с обеих сторон 1.000 человек.

Были разрушены десятки домов. «Центральная часть города, где засели юнкера, пострадала от оружейных снарядов. Много зданий сгорело. Убытки миллионные. Сожжен снарядами Государственный банк, представляющий собою заслон 2-й школы прапорщиков, в распоряжении которой имелось не мало пулеметов. Сгорел пассаж (самый крупный магазин в Иркутске) Второва. Русско-азиатский банк разгромлен. Пострадало много гостиниц и домов» (Из сообщения Центрсибири).

Выступление врагов пролетарской диктатуры разбило о твердость советских войск. Две главных группы контрреволюционных сил были разъединены советскими войсками. Юнкерам, находившимся в центре города, не удалось установить постоянной связи с казаками и кадетами, которые были на Казачьей улице. Казачий отряд, осажденный солдатами и красногвардейцами, не мог двинуться дальше своих казарм и детской больницы. Едва несколько казаков и кадет показывались из-за ее каменной ограды, как по ним сыпался град пуль, и они сразу же вынуждались возвращаться обратно. Основная часть казаков находилась немного ниже на Казачьей улице в помещении казачьего дивизиона, но и там они не продвинулись дальше своего помещения. Занятый в самом начале боев район «барахолки» был вскоре ими очищен. Пулемет, выставленный на колокольне Успенской церкви для обстрела советских войск, был сбит. Попытки продвижения казачьего отряда вперед встречали энергичное сопротивление со стороны советских частей. От юнкеров к казакам и обратно пробирались только случайно отдельные личности. Твердой и постоянной связи не было.

Силы врагов пролетарской революции, не получая новых подкреплений, стали таять под ударами советских войск. Между тем красные войска пополнялись отрядами рабочих и солдат, прибывавших из Черемхово, Канска,

Красноярска, Ачинска. Они не соглашались ни на какие уступки врагам.

17 декабря вторично начались переговоры о мире. Дня через два юнкера, заявлявшие в своих воззваниях, что они «никогда не исполнят приказа большевиков о разоружении», вынуждены были сдать оружие. Гнезда контрреволюции—военные училища были распущены. В Иркутске как и во всей Сибири восторжествовала власть советов.

19 декабря 1917 года Окружное бюро советов р.-с. и к. депутатов Восточной Сибири объявляется высшим органом власти в крае. 22 декабря было издано историческое постановление Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов. Это постановление характеризовало выступление юнкеров 8-17 декабря как мятеж против Октябрьской революции, «вся ответственность за который ложится на те политические партии и группы, которые все время вели систематическую борьбу против советов, против рабоче-крестьянской революции и которые вооружили юнкеров политически». Иркутский совет особо отметил героическую борьбу советских войск, покрывших себя неувядаемой славой: «Советские войска гарнизона (Иркутска), солдаты и красногвардейцы соседних городов, мужественно отстаивая с оружием в руках завоевания рабоче-крестьянской революции, покрыли себя неувядаемой славой защитников рабоче-крестьянского дела». Совет р. и с. депутатов постановил: «Вся полнота власти в городе Иркутске, губернии и округе переходит к Иркутскому совету рабочих и солдатских депутатов и Окружному бюро советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири».

Началась напряженная работа во всех областях советского строительства.

Большую роль в организации всей советской работы в Сибири сыграл 2-й Общесибирский съезд советов рабочих и крестьянских депутатов. Он происходил 10—15 февраля 1918 года в Иркутске под руководством сибирских организаций большевистской партии. Со всех концов обширной Сибири от Владивостока до Челябинска, от Туруханска до Китайской границы собрались представители рабочих и крестьян. Всего на съезде было представлено 72 совета.

Председателем съезда был избран т. Б. Шумяцкий, открывший этот съезд следующими словами:

«Над Сибирью занялась уже заря всеобщего трудового объединения. Рабочий, солдат и крестьянин, а ныне и трудовой казак, все слились в единую могучую рать социалистической революции. Сибирские советы одно из звеньев этой великой цепи, одна из колонн борцов за освобождение человечества от власти капитала, 2-й Сибирский съезд советов открывается в тот момент, когда мечта 1-го съезда начинает осуществляться не только в центре, но и всюду на местах. В каждом маленьком местечке — глухих деревнях и селах создается свой орган революционной власти рабочих, солдат и крестьян».

2-й Общесибирский съезд советов разрешил ряд важнейших вопросов. Он принял положение о составе, устройстве и задачах советов в Сибири, об организации Красной гвардии и Красной армии. На съезде был избран новый состав Центрального исполнительного комитета советов Сибири (сокращено Центросибирь). Председателем Центросибиря стал крупный партийный работник Н. Н. Яковлев.

Победа советской власти во время декабрьских боев 1917 года в Иркутске имела не только местное значение. Это была победа советов во всей Сибири и на Дальнем Востоке. Попытка остатков буржуазной власти сделать Иркутск центром борьбы против рабоче-крестьянской власти потерпела поражение. Победа над контрреволюцией в Иркутске ускорила затянувшийся переход власти к советам в Забайкалье. 2 февраля 1918 года в Чите был распущен буржуазно-соглашательский так называемый «Народный совет» и вся полнота власти в Забайкальской области перешла к Забайкальскому совету рабочих, солдатских, казачьих и бурятских депутатов (последним названием подчеркивалось привлечение трудящихся бурят-монгольской национальности в советы). Но борьба с контрреволюцией еще не закончилась. Едва замолк треск пулеметов и грохот пушек в Иркутске, как в Читу 21 декабря 1917 года прибыл из Манчжурии вагон с трупами замученных белогвардейцами членов Манчжурского совета. Это был первый вызов ставленника японских империалистов атамана Семенова, организовавшего в Манчжурии белогвардейские отряды для выступления против совет-

ской власти. За ним подняли головы и другие контрреволюционеры, которых поддерживала иностранная буржуазия. Под руководством коммунистической партии пролетариату, бедняцкому и середняцкому крестьянству Сибири пришлось выдержать тяжелую упорную, полную героизма борьбу за власть советов против буржуазно-помещичьей контрреволюции.

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Во время гражданской войны Демьян Бедный писал:

«Еще не все сломили мы преграды,
Еще мечтать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы в огненном кольце»...

Летом 1918 года огненное кольцо врагов стало охватывать и советскую Сибирь. Русская и иностранная буржуазия не могла примириться с победой пролетарской революции на $\frac{1}{6}$ части земного шара. Эта победа была ярким заразительным примером для пролетариата и трудящихся всего мира, призывающим их к свержению капиталистического гнета. Русские и иностранные капиталисты и помещики пытались своими хорошо вооруженными войсками свергнуть советскую власть. Они хотели снова закабалить рабочих и крестьян и зверски эксплуатировать их.

Для борьбы с надвигавшейся контрреволюцией в Сибири усилась организация отрядов Красной гвардии и Красной армии. Этим молодым отрядам удалось сначала отбить первые удары буржуазно-помещичьей контрреволюции. В мае 1918 года Красные отряды, перейдя в наступление, разбили после упорных боев между поселком Ага и станцией Оловяшной белогвардейские отряды атамана Семенова, вынудив их снова отступить из Забайкалья в Манчжурию. Советскими частями командовал тогда тов. Сергей Лазо. Во время декабрьских боев 1917 года в Иркутске он стоял во главе отряда рабочих и солдат, пришедших на помощь из Красноярска. В 1918 году тов. Лазо принимал активное участие в организации отрядов Красной гвардии и

Красной армии. После отступления сибирских советских войск С. Г. Лазо со своим отрядом пробился в Приамурье (Дальне-Восточный край). Здесь он организует партизанские отряды, руководя их борьбой против белогвардейских и японских войск. В апреле 1920 г. во время внезапного выступления японских отрядов во Владивостоке тов. Лазо был арестован ими и передан в руки белогвардейских палачей. Белогвардейцы после мучительных пыток сожгли его в паровозной топке. Так трагически погиб борец за рабоче-крестьянское дело, пользовавшийся большой любовью красных партизан.

14 июня 1918 года белогвардейцы пытались устроить переворот в Иркутске. Они внезапно напали на тюрьму, перебили часовых, надзирателей и захватили ее. Белогвардейцы пытались превратить тюрьму в свою крепость. Они организовали здесь свой штаб и выставили в окна пулеметы для обстрела города. Другая группа белогвардейцев заняла деревню Пивовариху в 10 километрах восточнее Иркутска и оттуда пошла в наступление на казармы 1-го советского полка, пытаясь захватить находившуюся там артиллерию и склад оружия. Кроме того, небольшими группами белогвардейцы разбросались по городу, чтобы неожиданно обстреливать советские войска. Белогвардейское выступление было в тот же день разбито. Отряд красных бойцов с пулеметами обошел тюрьму со стороны кладбища и завязал перестрелку с засевшими там белогвардейцами. Затем, бросившись в штыковую атаку, красные бойцы выбили белогвардейцев из кладбища и обратили их в беспорядочное бегство. Обстрел тюрьмы с тыла явился сигналом для красных частей, напавших на тюрьму с фронта. Белогвардейцы были выбиты и стали разбегаться. Большая часть их была выловлена. Попытка 2-го белогвардейского отряда захватить казармы 1-го советского полка также закончилась полным поражением белых. Но скоро надвинулись более сильные враги советской власти.

Японское буржуазно-помещичье правительство, начавшее с поддержки оружием, разными боевыми припасами и деньгами отрядов своего наймита атамана Семенова, ввело свои войска для захвата советских земель Сибири. В апреле 1918 г. во Владивостоке высадился первый японский отряд,

положивший начало интервенции (т. е. вводу иностранных войск на советскую землю). За первым отрядом двинулись другие более крупные.

Английские и французские капиталисты использовали для борьбы с советской властью кроме русских белогвардейцев чехо-словацкое войско. Оно было организовано буржуазным Временным правительством в 1917 году из бывших военно-пленных австрийской армии (Чехо-Словакия принадлежала тогда Австро-Венгрии). После Октябрьской революции советское правительство предложило чехо-словацкому войску сдать оружие и выехать в Чехо-Словакию. К лету 1918 года чехо-словацкие эшелоны (воинские поезда), как будто собираясь окончательно выехать из России, расположились длинной лентой по линии железной дороги от Сызрани до Владивостока. Главная часть этих войск находилась тогда в Сибири, всего их насчитывалось до 40.000 человек. Английское и французское буржуазные правительства решили использовать вооруженных чехо-словаков для выступления против советской власти. 14 мая 1918 года в городе Челябинске произошло совещание представителей англо-французского, чехо-словацкого и русского белогвардейского (белогвардейцы имели тайные военные организации в Сибири) командования. Совещание составило план выступления чехо-словацких и белогвардейских отрядов, а 25 мая был отдан приказ об этом выступлении.

Центральная часть Сибири оказалась во вражеском окружении. В мае-июне 1918 года почти по всей линии Сибирской железной дороги, особенно в городах и на более крупных станциях, происходили по указке иностранной буржуазии вооруженные выступления чехо-словаков и русских белогвардейцев. На востоке выступила Япония, и снова появился в Забайкалье со своими отрядами атаман Семенов. В Иркутске первое столкновение с чехо-словацкими войсками произошло 26 мая 1918 года. В этот день на основании приказа Народного комиссариата по военным делам советскими войсками были разоружены два чехо-словацких эшелона, стоявших на станции Иркутск. К этому же времени на станцию Батарейную прибыли другие эшелоны чехо-словацкого войска. Узнав о разоружении, они напали на станцию Иркутск и начали наступление к самому городу. Однако, убедившись, что перевес сил

на стороне советской власти, чехо-словаки утром 27 мая сдали оружие и были отправлены дальше на восток.

В других сибирских городах дело сложилось иначе, чем в Иркутске. К 1-му июня 1918 года ряд городов (Челябинск, Мариинск, Томск, Ново-Николаевск (Новосибирск), Канск, Нижнеудинск) были уже захвачены чехо-словаками. Вражеские полчища продвигались к Иркутску. В июне-июле 1918 года велись ожесточенные бои советских войск с чехо-белогвардейцами. Под ударами хорошо вооруженных, поддерживаемых иностранными капиталистами, контрреволюционных войск сибирские отряды Красной гвардии и Красной армии были вынуждены отступать на восток. 11 июля 1918 года контрреволюционными войсками был занят Иркутск. Советские отряды с боями на Прибайкальском фронте стали отступать по направлению к Верхнеудинску (теперь Улан-Удэ), куда выехал из Иркутска Центральный исполнительный комитет советов Сибири. Особенно сильные бои происходили у ст. Мурино, Забайкальской жел. дороги. Попытка красноармейских отрядов задержаться на подступах к Верхнеудинску (Улан-Удэ) не удалась. В августе 1918 г. чехо-белогвардейские войска заняли Верхнеудинск, а затем и Читу. Часть советских войск пробилась в Амурскую область, но и здесь они встретили сильных врагов в лице японских, семеновских и чехо-словацких частей, действовавших с востока.

28 августа 1918 года было устроено на станции Урульга, Амурской железной дороги, совещание партийных и советских работников Центросибири и Забайкалья по вопросу о дальнейших действиях в связи с наступлением контрреволюционных сил. Это совещание приняло решение перейти на партизанскую войну. Разойдясь небольшими группами, остатки советских отрядов под руководством подпольных (тайных) партийных организаций стали готовить почву для мощного повстанческого движения рабочих и крестьянских масс. Многие из этих групп влились в партизанские отряды, охватившие вскоре огненным кольцом всю Сибирь.

К сентябрю 1918 года в Сибири воцарилась при помощи иностранных капиталистов власть буржуазной контрреволюции. Начались кровавые расправы с партийными, советскими деятелями и трудящимися, подозреваемыми белогвар-

дейцами в сочувствии советской власти. Много верных сынов пролетарской революции погибло от рук белогвардейских палачей. Об этом кровавом разгуле в обращении Центросибири, выпущенном в марте 1919 года от имени миллионов сибирских рабочих и крестьян к пролетариату всего мира, рассказывается:

За время интервенции Сибири эта страна, бывшая местом царской ссылки и тюремных казематов, усеянная костями политических борцов, вновь залита кровью сибирских рабочих и крестьян. Убито и расстреляно свыше сорока тысяч человек, среди них сотни старых революционеров, освобожденных революцией из царских казематов. Зверски убиты белогвардейскими бандами председатель Центрального исполнительного комитета советов Сибири Н. Н. Яковлев; народный комиссар советского управления в Сибири тов. Лыткин; народный комиссар финансов Аркадий Иванов и сотни других революционеров—деятелей рабоче-крестьянской революции в Сибири. Свыше восьмидесяти тысяч рабочих и крестьян томятся в настоящее время в сибирских тюрьмах и концентрационных лагерях. Тысячи пленных красноармейцев блуждают по великой Сибирской железнодорожной магистрали (главная линия железной дороги) в так называемых «эшелонах смерти» без пищи и воды, с одним правом—умереть в жестоких пытках голода. Нашу правду об этих колчаковских «эшелонах смерти» может подтвердить американская миссия Красного креста, которая, столкнувшись с их ужасами, заявила свой протест правительству Колчака. Малолетние дети и семьи революционеров заключаются в тюрьмы и под страхом заключения и пыток принуждаются быть предателями своих отцов.

Миллионы сибирских крестьян, которые отказались признать Колчака и заявили об этом сотнями крестьянских восстаний, в которых в общей сложности принимало участие свыше двух миллионов крестьян, подверглись при помощи иностранных штыков беспощадному истреблению, расстреляны десятки тысяч крестьян, сожжено до основания много сибирских деревень. Наконец, одним из уполномоченных Колчака по удушению сибирских рабочих, генералом Розановым, издан приказ, по которому все заключенные в тюрьмах революционеры-большевики «объявляются заложниками и за каждое революционное выступление,

*Н. Н. Яковлев — председа-
тель Центросибири
(запущен белыми
в 1917 г.)*

вспышку, каждый акт политической борьбы надлежит расстреливать от трех до двадцати человек из числа заложников». И все это делается под охраною иностранных штыков, обманутых солдат Америки, Англии, Франции, Италии, Японии, Чехо-Словакии и других стран, имеющих в Сибири отряды, а порою и руками этих иностранных солдат. Возвышая свой голос и заявляя правду о кровавых ужасах белого террора в Сибири, от имени сибирского пролетариата и крестьянства и по его полномочию мы самым категорическим образом протестуем против иностранного вмешательства в наши внутренние дела и в нашу внутреннюю борьбу с реакционными силами бывшей монархии. Мы самым категорическим образом протестуем против навязывания Сибири власти реакционного правительства Колчака путем его поддержки и признания кем бы то ни было. Мы требуем от рабочих всех стран, которые имеют в Си-

бири оккупационные отряды, самой решительной борьбы за немедленное отозвание этих отрядов. Вам, наши братья России, Украины и Венгрии и других советских республик, шлем свой братский привет с наших фронтов, разбросанных по таежным дебрям Сибири. Мы верим в вашу и нашу победу...»

Сибирские правители действовали по указке иностранных капиталистов. В Сибири воцарился адмирал Колчак (его называли верховным правителем), плясавший под дудку английских и французских капиталистов. Столицей Колчака был Омск. В Забайкалье и Дальневосточном крае царили Семенов, Калмыков и другие атаманы, выполнявшие волю стоявших за их спиной японских капиталистов и помещиков. «Япония помогает нам», откровенно заявлял в своих листовках атаман Семенов. Иностранные буржуазные правительства помогали контрреволюционерам оружием, обмундированием, деньгами и отправляли в Сибирь свои отряды. Сотни сожженных деревень, десятки тысяч убитых, зверски замученных рабочих и крестьян, массовые грабежи и раззорения, миллионные убытки для народного хозяйства Сибири—таковы были результаты этой помощи иностранных капиталистов и помещиков сибирской контрреволюции.

Летом и осенью 1918 года белогвардейские войска повели наступление на Урал и пробрались в Поволжье. Но они встретили там могучий отпор со стороны Красной армии. От обороны героическая Красная армия вскоре перешла в наступление. Под ее ударами белогвардейские полчища были вынуждены отхлынуть назад в пределы Сибири. К августу 1919 года колчаковские войска были уже оттеснены к реке Тоболу.

В тылу белогвардейцев вспыхнули восстания рабочих и крестьян. Первые более заметные восстания происходили в августе-сентябре 1918 года. Толчком к усилению этих восстаний была насильственная мобилизация, объявленная белым сибирским правительством 25 августа 1918 года для пополнения своей армии. Сибирских рабочих и крестьян хотели под угрозой расстрелов и пыток заставить воевать с рабоче-крестьянской Красной армией. В различные районы отправлялись белогвардейские отряды. Они производили насильственную мобилизацию, стремясь «переловить» бежавших от нее, заставляли уплачивать большие подати, отби-

рали лучших лошадей, оружие и проч. За малейший протест, «неповиновение», за подозрение в сочувствии большевизму белогвардейцы пороли, зверски пытали, расстреливали, вешали, рубили шашками.

В ответ на все эти зверства усилились восстания рабочих и крестьян. Ими руководили подпольные организации коммунистической партии. К февралю 1919 года разрозненные сначала выступления принимают характер мощного организованно-дисциплинированного партизанского движения. Из маленьких повстанческих отрядов вырастают полки, бригады, дивизии, корпуса и целые армии. Образуются многочисленные партизанские фронты от Алтая до Великого океана. В ряды партизанских частей вливаются все новые и новые силы. К сентябрю 1919 года Алтайская партизанская армия под командованием т. Мамонтова насчитывала около 30.000 бойцов, партизанские армии, действовавшие в пределах бывшей Енисейской и Иркутской губернии под командой тт. Щетинкина, Кравченко, Яковенко и др. — до 40.000, Забайкальская армия — 10.000, Амурская — 15.000, Уссурийская — 15.000. Борьба красных партизан имела огромное значение. Она оказала большую помощь Красной армии, так как белогвардейскому командованию приходилось снимать для войны с партизанами целые воинские части со своего западного фронта и держать значительное количество войск в самой Сибири. Целый ряд крупных районов был освобожден партизанами от контрреволюционной власти. В результате белогвардейцы со всех сторон охватывались кольцом красных войск. Чем дальше продвигалась в Сибирь Красная армия, тем сильнее развивалось партизанское движение.

Интервенты, надеявшиеся сначала на скорую победу, встретили сокрушительный отпор всей рабоче-крестьянской России и увидели, что сибирская контрреволюция, на которую они возлагали надежды, обречена на полное поражение. Во всех капиталистических странах, отправлявших свои войска на помощь колчаковщине развивалась борьба пролетариата, выступавшего на защиту Советской России и требовавшего немедленного отзыва интервентских отрядов. Среди солдат этих войск начались волнения: различные иностранные части стали отказываться воевать против рабочих и крестьян Сибири и Советской России.

В сентябре-октябре 1919 г. происходили упорные бои 5 Советской армии с колчаковскими войсками на р. Тоболе. Колчак мобилизовал все свои силы. Сначала эти бои шли с переменным успехом. 5 сентября 1919 г. части Красной армии были даже потеснены к западу от р. Тобола. Для пополнения красноармейских рядов был объявлен призыв рабочих, крестьян и служащих в прилегавшей к фронту Челябинской губернии, давший 24.000 новых бойцов. Пополнив свои ряды, Красная армия в конце октября и начале ноября 1919 года перешла в стремительное наступление. Колчаковская армия была разгромлена.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ КОЛЧАКОВЩИНЫ В ИРКУТСКЕ

14 ноября 1919 года бывшая столица колчаковского правительства—Омск был взят Красной армией при поддержке восставших омских рабочих. Правительство Колчака, спасаясь от сокрушительных ударов Красной армии и красных партизан, бежало к Иркутску. Оно пыталось укрепиться и задержаться здесь. Колчаковское правительство выбрало своим последним центром Иркутск потому, что он еще был удален от главного фронта и колчаковская власть надеялась, собрав свои последние силы, задержать наступление советских войск. Кроме того, Иркутск был близок к Забайкалью, где находились семеновские и японские войска. С запада к Иркутску двигались остатки Колчаковской армии. Главную часть ее составляла группа генерала Каппеля, так называемые каппелевцы. По линии железной дороги находились чехо-словацкие части, продвигавшиеся к востоку. Чехи и другие иностранные войска, видя неизбежную гибель колчаковщины, не решались сталкиваться с Красной армией, а наоборот старались убежать от нее. Отдельные боевые столкновения иностранных отрядов с передовыми частями 5 Красной армии закончились полным разгромом этих отрядов. Возле станции Тайга польский отряд в 4000 штыков вступил в бой с 27 Советской дивизией, приняв ее за партизан. В результате польские части, участвовавшие в бою, были уничтожены.

В Иркутск переезжали колчаковские правительственные

и военные учреждения. Ежедневно прибывали особые поезда, привозившие бежавших с запада чиновников и капиталистов. Вся линия железной дороги от Омска до Иркутска была для колчаковцев как бы огромным туннелем: они могли двигаться только прямо к востоку, так как вся Сибирь была охвачена ярким пламенем партизанских восстаний. Лишь железная дорога охранялась чешскими и другими иностранными войсками. Поезд самого «верховного правителя» Колчака еще задержался в пути. Его ждали в Иркутск в конце декабря 1919 года. Но иркутские рабочие, крестьяне и солдаты готовили всем этим палачам трудящихся достойную встречу. Они встретили их вооруженным восстанием.

Революционным движением в Иркутске и бывшей Иркутской губернии руководил подпольный комитет коммунистической партии в составе: тт. А. А. Ширямова (кличка «Илья»), М. Н. Ербанова (теперь секретарь Бурят-Монгольского комитета ВКП(б), Касаткина (кличка «Кепка») и Миронова (умер в 1920 г.). Под руководством комитета шла усиленная подготовка к восстанию. Велась агитация среди рабочих, солдат и крестьян. Собирались средства на расходы, связанные с организацией восстания. Запасались оружием, и боевыми припасами. Из грузовых вагонов отступавших колчаковцев рабочие-железнодорожники, пользуясь царившей на станции суматохой, уносили оружие и патроны. В различных пунктах города были заранее организованы особые дежурные квартиры. Они были своеобразными складами оружия, караульными постами, небольшими боевыми штабами.

Иркутская партийная организация установила регулярную связь с отрядом особого назначения, находившимся в распоряжении колчаковского губернатора Яковлева. Этот отряд был организован из бывших пленных красноармейцев и красногвардейцев, выпущенных из тюрьмы. Яковлев надеялся, что они, получив освобождение из тюрьмы, будут за это его опорой. На самом же деле отряд особого назначения присоединился к восставшим рабочим и крестьянам.

«С этим отрядом, — пишет т. Ширямов, — у комитета была регулярная связь и собирались даже делегатские собрания от рот и отдельных частей отряда. Военный штаб комитета вел с отрядом переговоры и выработывал план освобож-

Группа работников Иркутской подпольной организации РКП(б) в период колчаковщины

дения из тюрьмы политических заключенных». Иркутский комитет РКП(б) имел также постоянную связь с партизанскими отрядами, которыми он и руководил. В районах, охваченных партизанским движением, работали местные партийные группы, непосредственно руководившие партизанами.

К Иркутску стягивалось кольцо партизанских отрядов, двигавшихся преимущественно с севера. В низовьях Ангары действовал отряд под командованием тов. Бурлова. С верховьев Лены двигались к Иркутску отряды т. Д. Е. Зверева. От Верхоленска и Качуга подходили красивые партизаны под командой дедушки Каландарашвили. Наконец, 24 декабря 1919 года разгорелось восстание против колчаковщины в самом Иркутске.

24 декабря восставшим 53 полком и рабочими дружинами было захвачено Глазковское предместье (Свердлово). В ту же ночь восстание перекинулось в Военный городок, на станции Батарейную и Иннокентьевскую (7 километров западнее Иркутска). Самый город еще находился во власти белых. По городу и по берегу Ангары ходили усиленные патрули солдат. 25 декабря, когда получились известия о восстании в Глазковском предместье, по всему берегу рассыпались цепи юнкеров. По направлению к Глазково стоя-

ли пулеметы и пушка. Все переправы через Ангару были сняты, за исключением небольшого пароходика.

Иркутская организация коммунистической партии решила отправить в Глазково группу товарищей для руководства восстанием рабочих. Нужно было перебраться на другую сторону Ангары. Представители иркутской партийной организации пустились на хитрость. Чтобы пройти через белогвардейские караулы, они выдавали себя за чешских разведчиков, желающих пробраться в лагерь восставших для шпионажа. В результате им удалось обмануть белогвардейцев. Вечером 24 декабря они прошли две цепи белых, контроль у переправы и благополучно переправились в Глазковское предместье.

Закипела революционная работа. Был организован штаб рабоче-крестьянских дружин, начавший усиленную деятельность по их формированию. Представители штаба отправлялись по деревням для организации боевых дружин среди крестьян и устанавливали связь с партизанскими отрядами, которые стягивались к городу.

Колчак приказал атаману Семенову подавить иркутское восстание. В самом Иркутске начальником гарнизона был назначен семеновский генерал Сычев. Семенов же, находившийся в Чите, готовил свои отряды для нападения на иркутских повстанцев с востока. «Семенов принимает все меры для высылки войск в Иркутский район для подавления там восстания. Войска придут 28 и 29-го» — телеграфировал Колчак генералу Капелю. В то время белые в Иркутске имели в своем распоряжении более 3000 прекрасно вооруженных войск с большим количеством пулеметов и четырьмя пушками. Главной опорой белогвардейцев были: офицерская инструкторская школа Нокса (названа по фамилии английского генерала, организовавшего ее), Иркутское военное училище, Оренбургское военное училище, шесть офицерских районных организаций и др. В небольшом количестве в Иркутске находились чешские, японские, английские и французские войска.

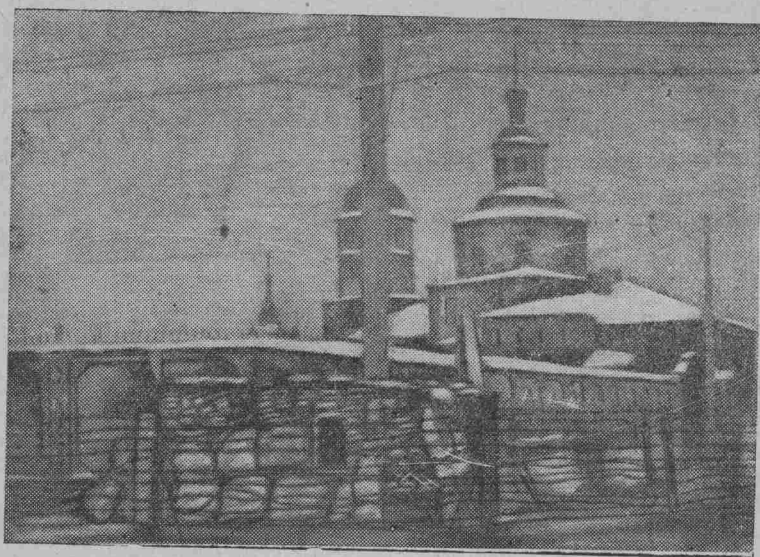
Выступление против колчаковщины в самом городе было назначено на 27 декабря. Восставшие части должны были в 4 часа дня собраться на Тихвинской площади. К этому времени прибыл из Знаменского предместья (Маратово) отряд особого назначения. С песнями отряд подошел с двух

сторон площади, занял Тихвинскую улицу (ул. Красной Звезды) и Хаминовскую гимназию (теперь Педагогический институт). Вскоре к особому отряду подошел унтер-офицерский батальон. Все офицеры этого батальона, за исключением одного сбежали к сычевцам. Восставших было всего 800 человек, они имели только три пулемета. Ожидались еще другие воинские части, но они не пришли. Среди выступивших росла тревога и недоумение.

Вдруг раздались выстрелы: сычевцы начали обстрел повстанцев. Последним нужно было действовать быстро и решительно, так как иначе им угрожала гибель. Повстанцы немедленно приняли боевой порядок, заняли ряд кварталов, примыкавших к району площади, и начали отстреливаться.

Командир повстанцев вызвал к телефону генерала Сычева и предъявил ему от имени восставших требование о сдаче. Сычев отказался входить в какие-либо переговоры с повстанцами. Наоборот, со стороны инструкторской офицерской школы усилился обстрел Тихвинской площади. Против восставших был выпущен броневик, представлявший собою укрепленный грузовой автомобиль. Броневик осыпал повстанцев пулеметным огнем, и они решили во что бы то ни стало захватить его. Удачно брошенными гранатами были убиты оба пулеметчика, находившиеся на броневике—офицер и юнкер; машина броневика была испорчена и он был захвачен восставшими. Разгром броневика и захват еще одного пулемета воодушевили повстанцев. Вскоре они отбивают у группы юнкеров пятый пулемет. Военные действия начинают принимать удачный оборот для восставших; они смело бросаются в наступление на сычевцев. Но злостный обман со стороны колчаковского губернатора Яковлева заставил повстанцев опять вернуться из города, где они заняли удобную позицию, в Знаменское предместье.

Яковлев вызвал к телефону командира особого отряда и совершенно уверенным тоном заявил ему следующее: «Ваше дело проиграно, уже занята Петрушина гора, Глазково разбито, 2000 войск семеновских и японских с 2 броневиками со всех сторон окружают город. Вы должны сдать оружие и оставить всякие попытки дальнейшего сопротивления». Так как наступление семеновцев на Иркутск ожидалось со дня на день, твердой связи с глазковскими пов-

Баррикады на Тихвинской улице в декабре 1919 г.

станцами не было, ожидавшееся подкрепление не пришло, то у восставших создалось впечатление, что сведения, сообщенные Яковлевым, правильны. Поэтому они отошли в Знаменское предместье, занятое восставшими рабочими.

По берегу речки Ушаковки образовался красный фронт восставших рабочих и солдат. С возникновением Ушаковского фронта в Знаменском предместье и Рабочей слободе усилилась горячая боевая работа. По всему берегу Ушаковки были выставлены цепи сторожевых охранений. С 28 декабря разгорелась ружейная и пулеметная перестрелка с белым фронтом на другом (от Знаменского предместья) берегу Ушаковки. Белые отвечали пулеметным и артиллерийским огнем. Пушки сычевцев, поставленные на Петрушиной горе, начали обстрел Знаменского предместья. Перестрелка продолжалась весь день 29 декабря. В боевой обстановке усилилось формирование рабочих дружин, управлявшихся на Ушаковский фронт. Ряды повстанцев стали увеличиваться и крепнуть. В ночь на 30-е декабря произошло первое наступление на город, в котором принимал участие особый отряд с присоединившимися к вос-

станции казаками. Наступавшие, перейдя Ушаковку, подошли к кузнечным рядам, взяли кадетский корпус (около моста) и овладели частью Ланинской улицы (улица Декабрьских событий). Во время наступления было взято в плен 80 человек сычевцев с оружием. В обозной мастерской (на бывшей Шелашниковской улице) повстанцы натолкнулись на сильное укрепление вражеских войск. Наступление было приостановлено. Особый отряд с казаками к 10 часам утра 30 декабря опять вернулся на прежние позиции по р. Ушаковке, понеся небольшие потери. Сычевцы, несмотря на довольно значительное количество хорошо вооруженных сил, наступать против красного Ушаковского фронта не решались. Они ждали прихода на подкрепление семеновских отрядов из Забайкалья.

В ночь с 30 на 31 декабря восставшими была захвачена Иркутская тюрьма и освобождены томившиеся там политические заключенные. Один из руководивших участниками Иркутского восстания так рассказывает об этом освобождении:

«Был уже четвертый день восстания... Тюрьма напряженно слушала перестрелку... «Та-та, та-та-та»—горопливо, быстро трещал пулемет. «Та-та-та»—медленно, важно и с достоинством отвечал другой»... Винтовки перекликались непрерывно и время от времени вмешивалось орудие, своим громовым голосом, напоминая всей этой мелкоте, что скоро все разрешит оно, тяжелое, стальное трехдюймовое или другое—гаубичное.

А тюрьма жила в напряженной тревоге, жила мыслью о восстании; каждый день уносил все новые и новые жертвы... Одни умирали от тифа, от истощения, других уводили ночью и они уже не возвращались больше, третьих отправляли за Байкал в царство Семенова, где ждала их наиболее мучительная смерть...

За несколько дней до восстания от Сычева поступило требование новой выдачи 50 заключенных, наиболее ярких представителей большевизма. Но на этот раз было уже поздно, и из тюрьмы не увели никого.

Загремели выстрелы желанного восстания... Тюрьма быстро определила, что она находится на фронте, враждебном белому. Но какой это был фронт, чей, почему не освобождают сразу? Все эти вопросы как-то приглушили

радость первых часов. Однако, все строгости режима вскоре исчезли, заключенные завладели ключами, отперли камеры и могли свободно гулять по коридору, наблюдая из окон за происходившим на фронте. Вот ясно, ясно виден взвод — «взвод огонь!» «А командир то артиллерист, не пехотинец» — критически замечает заключенный из военных. «Наш брат должен командовать — «взвод пли!». Огонь боевого увлечения загорается в истомленных глазах узника и тухнет. Замолкают смелые слова и опускается душа, на миг разорвавшая окопы тюрьмы. Тюрьму не открывают. Обида, какая-то горечь наполняет сердце. Зачем они медлят? Ведь тюрьму уже обстреливали, по коридорам одиночного корпуса свистали пули. В одной из камер оторвало косяк двери. Каждую минуту в тюрьму мог попасть снаряд и унести массу жертв...

И вот 30 декабря, часа в 3 дня, в тюрьму приехал товарищ Глеб, вызвал из разных корпусов троих заключенных и объявил, что в эту же ночь по требованию рабочих тюрьма будет освобождена.

Ночью к тюрьме пришли вооруженные рабочие для сопровождения заключенных, которых было не менее 500 человек. Собрались на тюремном дворе — проверили, и тюремные ворота распахнулись. Но не шумным потоком хлынула толпа освобожденных на свободу, нет, в 300 шагах был белый фронт, идти приходилось молча, тюремный переулочек перебегали быстро и гуськом. Больных усадили на подводы.

К утру 31. из только что вырвавшихся на свободу узников была сформирована новая рота рабоче-крестьянской дружины в 250 штыков и выделился штаб дружины...

Товарищ Василий, сам только что оставивший стены тюрьмы, выстроил роту, которая тут же отправилась на фронт в наступление».

30 декабря над восставшими нависла грозная туча: к Иркутску двигались семеновские броневики и эшелоны отряда, направленного на помощь сычевцам для подавления иркутского восстания. Иркутские белогвардейцы ликовали. Генерал Сычев выпускал хвастливые объявления о прибытии в Иркутск эшелона с войсками атамана Семенова под командой генерала Сипетрова. Осажденная белогвар-

дейщина, надеясь на разгром восстания, приветствовала семеновцев радостным колокольным звоном. Как длинный сказочный змей, изрыгавший из своей пасти огонь и дым, двигались эшелоны семеновских войск. Впереди шло несколько броневиков, начавших ожесточенный обстрел района станции Иркутск.

В Иркутске первые сведения о приближении семеновцев были получены ночью 29 декабря со станции Михалево. Все утро 30 декабря в Глазково шла лихорадочная подготовка к бою. Даже под обстрелом приближавшегося семеновского поезда на железнодорожном пути продолжалась разгрузка вагонов с оружием и обмундированием, которое тут же раздавалось рабочим. Со стремительной быстротой выросла рабочая дружина. На станции спешно подбирались взводы, выстраивались готовые к бою роты.

У передачи, отправляющейся на станцию Иннокентьевскую, толпились жены и дети глазковских рабочих. Они стремились уехать подальше от места сражения. Семьи рабочих знали, что в случае неудачи семеновские палачи учинят над ними кровавую расправу. Наступали жуткие минуты. Тревожно выл гудок, сзывая рабочих на борьбу с семеновскими бандами. Момент был чрезвычайно ответственным: победа семеновцев, их соединение с сычевцами привела бы к разговору иркутского восстания и зверским расправам с восставшими рабочими и солдатами. Повстанцы понимали угрожающую им опасность, но среди них не было уныния и растерянности. Они действовали решительно и смело.

Навстречу семеновцам был пущен паровоз, чтобы вызвать крушение, или по крайней мере задержать их поезд. Крушения не произошло, но путь был испорчен свалившимся под откос паровозом. Семеновцам пришлось высадиться, не доходя до станции. Они повели наступление обходом через гору. Против наступавшего врага смело двинулась железнодорожная рабочая дружина, рота 54 полка, пришедшая с запада, и часть 53 полка. Разгорелась перестрелка. Семеновцы наступали под прикрытием артиллерии. Дружный и смелый отпор повстанцев заставил дрогнуть семеновские банды. Меткой стрельбой и стремитель-

ными ударными атаками революционные отряды отбросили семеновские части назад. Цепи семеновцев, преследуемые восставшими, побежали с горы к своим вагонам. Это отступление было настолько быстрым, что цепи повстанцев едва поспевали за семеновцами. Их попытка пробиться в Иркутск через Глазково потерпела полную неудачу. Восставшие торжествовали победу. Сводка штаба Народно-революционной армии кратко, но выразительно сообщала: «Утром 30 декабря на рассвете броневики Семенова, вопреки заверениям чехо-словацкого командования, подошли в Глазково к семафору и под прикрытием его высадили отряд второго Манчжурского полка в 600 человек под командой генерала Панченко при 4-х орудиях и 8 пулеметах, броневых автомобилях и коннице. Семеновцы сейчас же, под прикрытием артиллерии, перешли в наступление, но дружный отпор Народно-революционной армии заставил дрогнуть противника, и он, несмотря на численный перевес, начал отступать. Отступление было настолько поспешно, что наши цепи к 16 час. (4 часа дня) еле успевали за ним. К 18 час. (6 час. вечера) противник был разбит наголову и наши части к этому времени, дойдя до села Кузьмихи и констатировав факт полного разгрома семеновцев, остановились. Мы взяли в плен 120 человек, три пулемета, несколько ящиков пулеметных лент, громадное число оружия, патронов, верховых лошадей и две двуколки. Потери противника убитыми и ранеными велики. У нас один убит и шесть раненых. Необходимо отметить, что семеновцы убили одного солдата, взятого в плен, раненых же раздевали, тщательно проверяя содержимое в карманах...»

После разгрома семеновцев Глазковская рабочая дружина со своим штабом и представителями Иркутского комитета коммунистической партии, проводившими руководящую политическую работу, отправилась на помощь Ушаковскому красному фронту. Так как центральная часть города была занята белогвардейскими войсками, пришлось двигаться окольным путем. Из Глазковского предместья рабочая дружина пошла по направлению к деревне Жилкиной, а затем к переправе через Ангару. До переправы добрались часам к 12 ночи 31 декабря. Темно, по Ангаре шла шуга; дул холодный пронизывающий ветер. Переправа прошла благополучно и Глазковская дружина влилась в ряды красных

войск Ушаковского фронта. В Глазковском же предместье остались для охраны солдаты из воинских частей, восставших против колчаковщины.

В ночь на 31 декабря началось второе наступление на сычевцев со стороны Ушаковского фронта. Цепи повстанцев ночью благополучно перешли Ушаковку, достигнув берега под Кузнечными рядами и Сенной площадью. С рассветом они были замечены сычевцами. Белые стали обстреливать их с фронта и вместе с тем осыпать пулеметным огнем всю Ушаковку. Группа повстанцев, проникшая на Сенную площадь, оказалась таким образом между двух огней. Тогда для защиты своих красные, находившиеся в предместье, открыли от Знаменского монастыря яростный пулеметный огонь против белогвардейцев. В сумерки цепь повстанцев смогла выйти из прикрытий на Сенной площади и перебраться обратно через Ушаковку. Третье наступление было совершено восставшими 1 января 1920 года. Рано утром они проникли в город с Иерусалимских (теперь Советских) улиц. После ожесточенного боя с юнкерами в районе детской больницы повстанцы вернулись обратно. На другой день, пользуясь туманом, юнкера пытались повести наступление на Ушаковском фронте, но были сразу же отогнаны красными войсками. Повстанцы стали готовиться к последнему решительному наступлению, воспользовавшись перемирием, заключенным 3 января.

Сычевцы, находившиеся в центре Иркутска, окружались повстанцами и подходившими к городу партизанами. Белогвардейское командование поняло безвыходность своего положения. «Создавшаяся в Иркутске политическая обстановка,—писали Колчаку его министры,—повелевает говорить с вами откровенно. Положение в Иркутске после упорных боев гарнизона и Забайкальских частей против повстанцев, заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток».

Как крысы, бегущие с тонущего корабля, стала разбегаться сычевская рать. В начале Иркутского восстания она превышала силы восставших, а затем стала таять, как снег. Начальник белогвардейского гарнизона генерал Сычев со штабом бежал за Байкал, бросив свои войска.

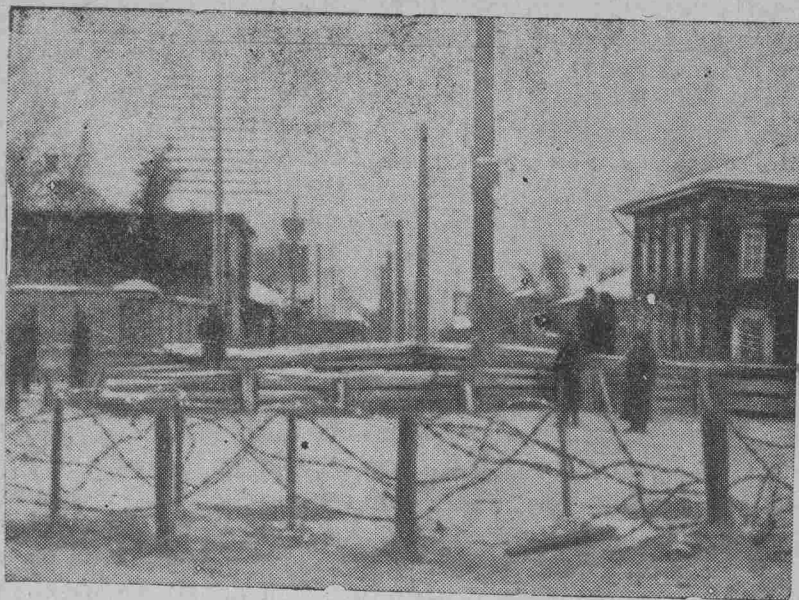
В сумерки 4-го января 1920 года штаб рабоче-крестьянских дружин получил сообщение по телефону от наблю-

янских дружин перешла к Революционному комитету (Ревкому) в составе тт.: А. А. Ширямова, Д. К. Чудинова, В. И. Литвинова, А. А. Сноскарева. Издыхавшая колчаковщина билась в последних предсмертных судорогах. Сам «верховный правитель» адмирал Колчак стал ненужным даже своим бывшим союзникам — интервентам. 15 января 1920 года союзники выдали его Политическому центру, а затем арестованный Колчак был передан Революционному комитету.

Остатки колчаковских войск, разбитых 5-й Красной армией, были сведены в одну группу под начальством генерала Каппеля. Они быстро отступали, к востоку, стремясь скорее выбраться из-под ударов Красной армии. Каппелевцы двигались не по железной дороге, куда их не пускали чеки, а по тракту. В Иркутске первые сведения о движении каппелевской группы стали получаться с 15 января. Каппелевцы довольно быстро продвигались к Иркутску. Иркутский ревком выслал навстречу каппелевским частям группу войск в количестве около 800 человек. 30 января 1920 года у станции Зима произошел бой этой группы с каппелевскими войсками. Каппелевцы, начав наступление, пытались охватить правый фланг советских войск, но были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем. Бой продолжался 5 часов. Белые под напором красных частей начали уже отступать. Но в этот момент совершенно неожиданно с линии железной дороги на советские войска напала чешская конница и пехота. Вследствие этого предательского нападения группа была разбита. Иркутску стала угрожать опасность нападения со стороны подходивших каппелевских частей.

«Красный Иркутск в опасности», — объявлял 3 февраля 1920 г. Иркутский совет рабочих и солдатских депутатов. Голодные, полузамерзшие банды остатков колчаковских войск, собирая последние силы, стремятся к Иркутску. Обманутые колчаковскими генералами, подогреваемые черносотенной агитацией, они ищут спасения в отходе на восток, к Семенову, сметая на своем пути, все, что попадется. Грабежи и насилия — вот оружие борьбы этих банд.

Красный Иркутск будет ими разгромлен и обильно полит рабоче-крестьянской кровью, если мы не сумеем его защитить.

Баррикады на Луговой улице в январе 1920 г. в Иркутске

Рабочие и крестьяне! Все как один, вставайте на защиту нашего красного Иркутска!

Все до единого вооружайтесь, формируйтесь в боевые дружины под общим командованием и руководством нашего штаба.

Рабочие и солдаты, перед вами славная задача—защита красного Иркутска—сердца Советской Сибири»...

Еще до приближения кашпелевских войск отдельные повстанческие отряды были объединены под общим командованием в Восточносибирскую советскую армию. Командующим этой армией был назначен тов. Зверев Д. И. Для отпора кашпелевцам усилилось пополнение советской армии новыми бойцами, оружием и военными припасами. Был создан особый штаб обороны города Иркутска. Иркутский комитет коммунистической партии и ревком призывали рабочих и крестьян вступать в ряды советской армии, и трудящиеся Восточной Сибири с энтузиазмом откликались на этот призыв. Сначала ревком пытался вести переговоры с кашпелевцами, предлагая им во избежание кровопролития

сдаться при условии безопасности и помилования тех, кто добровольно сложит оружие. Об этом разбрасывались листовки с советского аэроплана, пролетавшего над кашпелевскими частями. К ним отправились ходоки от беженцев, члены семей которых находились в кашпелевской армии. Но никакого ответа получено не было.

27 января 1920 года умер главный начальник кашпелевцев—генерал Кашпель. Командование ими перешло к генералу Войцеховскому. В последний раз Иркутский ревком и штаб Восточносибирской армии обратился через представителя Чехо-Словакии в Сибири доктора Благожу к генералу Войцеховскому с предложением о сдаче кашпелевцев. Командарм тов. Зверев отправил по телеграфу следующее предложение:

«Предлагаю вам (доктору Благожу), во избежание напрасных человеческих жертв и в интересах беспрепятственного продвижения чехов войск на восток, немедленно предложить ген. Войцеховскому сложить оружие и передать его в распоряжение Восточносибирской советской армии. Войскам, добровольно сложившим оружие, дается полная гарантия неприкосновенности личности»...

Войцеховский отверг предложение ревкома о сдаче и выдвинул свои условия. Он заявил, что «согласится» обойти Иркутск, если ему дадут 200 миллионов рублей, в том числе 50 миллионов золотом, заготовят продукты на 50000 человек, передадут Колчака и других арестованных белогвардейских главарей. Кашпелевские отряды продолжали двигаться к Иркутску. Тогда навстречу им к деревне Пономаревой в 85 километрах от Иркутска вниз по Ангаре были двинуты наиболее крепкие в боевом отношении советские части в количестве до 4000—5000 бойцов. 6 февраля 1920 года отряд кашпелевцев под командой Войцеховского повел наступление на советские войска около Пономаревой. В кашпелевском отряде было приблизительно 4000 человек. Он состоял большей частью из кавалерии, кроме того была пехота и 4 юрудия. В районе между Пономаревой и селом Олонками произошел бой, продолжавшийся 5 часов. 31 советский полк при поддержке 14 Советского полка задержал кашпелевцев и отбил их наступление. В дальнейших боях под Олонками и Усть-Кудой, продолжавшихся при 30-градусном морозе 2 дня и носивших крайне ожесто-

*Вступление частей 5-й Красной армии в Иркутск
7 марта 1920 г.*

ченный характер, кашпелевцы были окончательно разбиты. Они бежали под защиту чехо-словацких войск, бросая дорогой свои обозы и награбленную добычу. К Иркутску кашпелевские отряды подошли обессиленными. Они думали уже не о захвате города, а о том, как бы скорее выбраться за Байкал. Партизаны преследовали кашпелевцев и в Забайкалье.

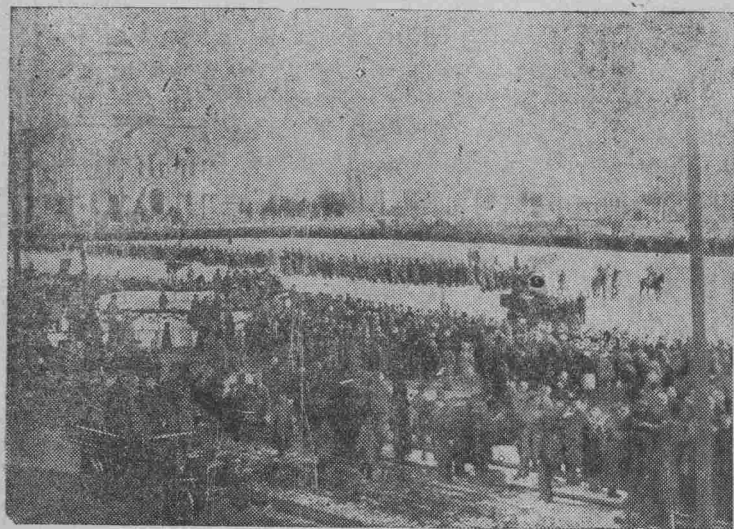
В феврале—марте 1920 года с кашпелевцами было покончено. Решилась и участь бывшего «верховного правителя» адмирала Колчака. 7 февраля 1920 года по постановлению Иркутского ревкома были расстреляны Колчак, его министр Пепеляев и колчаковский палач Тин-Чен-Фан. Разгром кашпелевцев и расстрел Колчака были последними днями колчаковщины, окончательно разбитой рабоче-крестьянской Красной армией и красными партизанами.

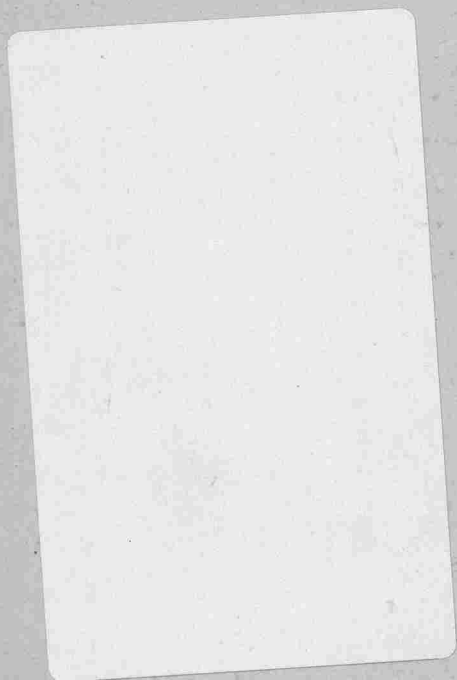
7 марта 1920 года трудящиеся Иркутска восторженно встречали приход 5-й Красной армии, окончательно воссоединившей его с другими частями Советской республики.

* * *

Прошло 15 лет со времени разгрома сибирской контр-революции. Победы рабоче-крестьянской Красной армии и красных партизан обеспечили кипучую работу по строи-

тельству социализма в СССР. Строя под руководством ВКП(б) во главе с тов. Сталиным социалистическое хозяйство и культуру, трудящиеся нашей страны помнят уроки гражданской войны. Они укрепляют оборону СССР, усиливая боевую мощь Красной армии, чтобы в любой момент дать сокрушительный отпор всем капиталистическим хищникам, если они попытаются совершить нападение на нашу дорогую родину.

50 коп.

Ц 2085